

Трон
СМУТЫ

М. БРАУЛЕР

М. Браулер
Трон Смуты

«Автор»

2026

Браулер М.

Трон Смуты / М. Браулер — «Автор», 2026

Меня обвинили в убийстве Ивана Грозного. И приговорили к смертной казни. Попасть в XVI век и стать жертвой заговора? Так просто я не сдамся. Да и смертный приговор – не самое страшное. Власть захвачена изменниками. Страну опутывает паника и тайные заговоры. Наследный государь Иван Иванович жив и скрывается с преданными людьми в неприступной крепости. Но мы не собираемся прятаться. Круг соратников расширяется. Мы вернем престол тому, кому он принадлежит по праву. Любой ценой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

М. Браулер

Трон Смуты

Глава 1

«Ну вот и конец! Бесславный», – ни страха, ни паники, просто точка.

В голове набатом звучал приговор.

– По Божьему изволению и земскому приговору, безымянный пришлец, иноземец без роду и племени, – пристав цедил сквозь зубы с плохо скрываемым торжеством. – Повинен в смертном убийстве Боговенчанного государя царя и великого Князя всея Руси Ивана Грозного!

Театральная пауза и уничижительный взгляд. Куда ж без этого?

– За измену и смертную вину, по суду Боярской думы, по приговору Освященного собора и всех чинов Московского государства, – пристав демонстративно прочистил горло. – Казнить смертью – отсечь голову!

Я в изнеможении закрыл глаза. Больше всего рассмешила фраза «иноземец без роду и племени». Ха. По сути – правда.

Сил думать больше не было. Почти месяц в ожидании смертного приговора измотали до предела. Бесконечные допросы и попытки выяснить, кто я и откуда. Потрескавшиеся губы скривились в горькой усмешке. Дело даже завели. Рассматривала Боярская дума. Лучше бы сразу казнили.

Сырость пробирала до костей. Попытка встать была неудачной. Ноги затекли так, что я перестал чувствовать. Пошевелил пальцами, не слушаются.

«Зато перед смертью удостоился чести, – невольно усмехнулся. – Поместили не в общую тюрьму, а в каземат Благовещенской башни. Всего-то в двухстах шагах от царских опочивален. Словно бояться выпустить из виду».

Я перестал различать дни и тем более ночи. Все слилось в единое поле смутных образов. Я облизнул пересохшие губы. Страшно хотелось пить.

– Готовься пришлец, – о скорой смерти пристав пришел сообщить мне лично, вложив в сказанное тонну презрения. – Утром на плаху пойдешь!

Странно. К чему такая спешка? Боятся, что сбегу? Куда интересно?

Месяц изнурительных допросов. Ходили каждый день, выпрашивали. Перебрали все известные яды. Как по зелейнику. Зачем? Свалили вину за убийство государя Руси на пришлого иноземца, так казните.

Темнота и холод вытягивали все тепло, оставляя бездонную пустоту. Тело охватывало вялое спокойствие. Последнее. Отказываясь жить.

Боль клещами сжала сердце. Смертный приговор за то, что я не делал и сделать не мог? Пальцы с болью впились в ладони, но я не почувствовал боли.

«Отрубят голову, – пронеслось в угасающем сознании. – Хорошо, что не сожгут, как колдуна и не посадят на кол, как предателя. Надеюсь, хоть мечом. Топором хуже, особенно если промахнутся с первого раза. Или если топор тупой, те еще пытки. Главное не дергаться, замереть и втянуть шею».

Сил не осталось ни физических, ни моральных. Может быть все к лучшему. Один удар и все наконец закончится. Раз и навсегда.

«Отсечь голову!» – слова пристава болью отдавались в висках.

«Казнь выбрали как для знати и дворян, – невольно усмехнулся. – Гореть заживо, так себе удовольствие. Про кол лучше вообще не думать. Странно, конечно, почему «иноземца»,

обвиненного в смерти государя Руси, приговорили к привилегированной казни? Почему бы не привязать к позорному столбу и не использовать ситуацию для устрашения остальных?»

«Потому что те, кто зачитал приговор, прекрасно знают, кто убил, – разум подсказал правильный ответ. – Я чужестранец. Без роду и племени. Вовремя подвернулся. Быстро казнят и скажут, что дело раскрыто».

Замерзшими руками растер пульсирующие виски. Голова страшно болела. Тело затекло от неподвижного сидения. Комфортных условий для смертников в каземате Благовещенской башни не предусматривалось.

Зачем? Днем в камеру хотя бы проникал дневной свет из небольшой бойницы, щели в толстой каменной стене. Сейчас вокруг сжималось кольцо непроглядной тьмы. Как в общем-то и внутри. Густая давящая пелена.

Мыслей почти не осталось, мозг обволакивало черным туманом.

– Ну что, пришлый, есть что сказать? – в голове звучал хриплый голос пристава, который неприятно резал слух. – Последнее слово на оправдание.

Я промолчал. Прижался затылком к сырому камню, пытаюсь унять дрожь. Сказать было что, только некому. То, что произошло на самом деле, да и секретный пароль, знали только семь человек, стоявшие однажды в круге.

«Хорошо, что сына удалось спасти, – я должен был опереться на что-то светлое, чтобы спокойно закрыть глаза перед смертью. – Целью ордена было убить и сына, и отца, чтобы прекратить царский род. Младшего сына в силу слабого здоровья быстро прибрали к рукам, захватив власть в стране».

Злило не то, что утром мне отрубят голову. Хотя и это тоже. Я так и не смог предотвратить дьявольские планы могущественного ордена.

«Как будто специально дату подобрали, – мозг анализировал факты независимо от эмоций. – Девятнадцатого ноября 1581 года. Символично. Историческая дата смерти сына стала днем смерти Ивана Грозного».

«Нельзя сказать, что я сдался без боя, – промелькнуло в голове. – Я много лет вел двойную игру и принес своей стране несколько побед. Что же, я сделал все, что мог. И боролся до последнего вздоха, как и обещал. Жаль только, что перед смертью не увижу своих. Не успею все рассказать».

Обостренный полной темнотой слух усиливал обычные звуки. Скрежет лап крыс по земляному полу отдавался гулким тяжелым стуком. Казалось, я слышал собственное сердцебиение, растекающееся ударами по всей спине.

Попытка вдохнуть полной грудью не удалась, в легкие ворвался спертый воздух, смешавшийся с кислым запахом сырого камня и старой соломы.

«Скоро рассвет, – просто факт, никаких эмоций. – Солнце взойдет последний раз. Вдохнуть напоследок морозный утренний воздух. Расправить гордо плечи. И на плаху. Я честно сделал все, что мог».

Разум пытался смириться с неотвратимым концом. Душила горечь.

Я чудом выжил после трех лет блуждания по сибирским пещерам. Чтобы умереть на плахе в Москве. Иронично.

Гулкий звук за дверью. Показалось. Мозг в полной изоляции легко изобретает то, чего нет. Еще один стук. Несколько. Шаги за дверью.

Разум до последнего будет выдавать желаемое за действительное.

Я вздохнул и попытался успокоиться. Звуки становились все громче.

Не галлюцинация. И правда шаги. Твердые и быстрые, не похожие на тяжелую поступь ночной стражи. Кого еще я должен увидеть перед смертью?

Звякнула цепь и заскрежетал ключ. Дверь распахнулась.

От неожиданности заслезилась глаза, когда в кромешную тьму каземата ворвался колкий свет факела. Воображение способно на создание реальных картин? Вряд ли. Я стиснул зубы и заставил себя посмотреть на вошедшего.

Не пристав. Высокая фигура в темном балахоне с капюшоном, накинутым поверх шапки. За спиной сгушались тени еще трех человек.

«Если это видение смерти, то где коса? – проскользнула мысль. – Да и госпожа «добро пожаловать в последний путь» не приходит в компании».

– Встань, пришлый, – молодой голос, решительный и спокойный.

В голосе вошедшего не слышалось той злобы и ненависти, которые волнами исходили от пристава, зачитывающего смертный приговор.

– По делу государеву изменника, – продолжал ровным голосом вошедший, обращаясь, однако не ко мне. – Прислан подьячий Лыков.

В свете факела рассмотрел чисто выбритого подьячего с холодным расчетливым взглядом. Вот и пристав. Стоит сзади в нерешительности. За ним два крепких стрельца в одинаковых тулупах, с каменными лицами.

«Уже рассвет? – невольно пронеслось в голове. – Да нет, слишком темно. Решили казнить ночью? Сильно враги спешат, как я посмотрю».

– Печать и грамота от Тайного приказа, – также ровно проговорил Лыков, протягивая бумагу застывшему от изумления приставу. – Велено безымянного иноземца изъять немедленно. Для окончательного негласного дознания. Скрепа – рукой главы тайного сыска. Рассуждения будут?

«Неужели грамота подписана Колычевым? – пронеслось в голове. – С чего бы это тайному сыску вызволять неизвестного смертника?».

Пристав дрожащими руками придержал грамоту, быстро пробежал глазами и в конце вздрогнул. Значит узнал подпись главы. Что происходит-то?

– Никак нет, все ясно, – голос пристава слегка подрагивал, и близко не было гневного напора, с которым он зачитывал мне смертный приговор. – Как изволите... Расписку только надобно... Для отчетности...

Понятно. Прошел всего месяц после смерти государя, понять кто и чем управляет, сложно. Никто не знал, кто и за что несет ответственность.

Подьячий, несмотря на молодой возраст, вел себя достаточно профессионально. Молча кивнул стоящим позади стрельцам.

– Получай, – протянул Лыков расписку приставу. – Отойди, дай дорогу.

Пристав, все еще качая головой от недоумения, отступил за дверь. Лыков сделал быстрый шаг. Ошарашен был не только пристав. Я так и сидел, прислонившись к стене, от удивления не попытавшись даже встать. Сил на рассуждения не было. Да даже если бы и были, я не понимал, что происходит.

– Вставай, пришлый, на расспрос тебя требуют, – проговорил подьячий.

Конечно, встал. Что мне еще интересно оставалось делать?

Утром должны отрубить голову, чего не встать? Небольшое развлечение перед рассветом. Допрос всяко получше плахи будет. Хотя не факт.

Откуда мне знать, что на уме у пришедших? По хорошему делу ночью в каземат не ходят. Сильно сомневаюсь, что затеяли что-то доброе. Поведут пытаться и изменят вид казни на более суровый? Или просто сожгут без суда и следствия? Убийца государя, как никак. Заслужил адскую смерть.

Единственным лучом надежды было упоминание главы тайного сыска. До похода я хорошо знал Колычева, вряд ли сейчас это как-то поможет.

Я не стал сопротивляться. Да и, честно говоря, сил не было.

– Пошевеливайся, пришлый, двигай ногами! – грубо прикрикнул Лыков, толкая меня к двери. – У тайного сыска вопросы к тебе имеются.

Он резко подтолкнул меня к дверному проему. Стрельцы крепко связали впереди руки толстой веревкой. Накинули на голову колючий мешок из грубой рогожи. Свет факела погас, мир снова сузился до крошечной темноты, запаха пыли и сырого холщового полотна. И ноющей боли в связанных руках.

Несмотря на показную грубость, стрельцы поддерживали под руки достаточно аккуратно, помогая идти. Ну и не из таких передряг выбирался.

Я решил не терзать себя сомнениями или надеждами понапрасну. Дополнительный допрос главой тайного сыска мог быть частью хорошо продуманной игры. Перед более страшным наказанием убийцы государя Руси.

Может послали верховники ордена, от которого я и бежал? Хотя чего выкрадывать, если утром – казнь? Узнать меня не могли ни свои, ни чужие. Мне удалось раскрыть кое-какие секреты ледяных пещер Сибири и внешность изменилась до неузнаваемости. На это, честно говоря, и был расчет.

Я молча шел. Выбора особого не было. Рано или поздно скажут же, зачем меня выхватили из рук самой смерти и куда тащат глубокой ночью.

Хм. Вот это странно. Насколько можно было понять с мешком на голове, шли мы не по основным коридорам. Через внутренние переходы и подворотни Кремля, известные только тайному сыску. Значит Лыков не соврал.

Причем часть тайных ходов мог знать только Колычев. Через плотную ткань я наконец почувствовал морозный воздух. Значит вышли на улицу. Лыков сдернул холщовый мешок с головы, я быстро осмотрелся.

Тайный выход из каземата к Москве-реке. Слегка припорошенная снегом река, свинцовое предзакатное небо. Отпустило немного. После трех недель заточения, я жадно глотал свежий воздух. Провожатые подтолкнули к закрытой повозке, возле которой стояло несколько конных стрельцов. На облучке, как и положено, сидел кучер, который даже не повернулся.

Вот уж не ожидал, что чужестранца-смертника будет сопровождать военный разъезд. Глупо было дергаться и пытаться бежать. Куда интересно? С учетом, что конные стрельцы были вооружены пищалями и саблями.

Мы подошли к повозке, рядом с которой стоял конвойный. Судя по всему пристав от Тайного приказа, подручный главы тайного сыска. Пока все логично, стоящий у кибитки отвечал за передачу «груза», то есть меня.

Конвойный взял меня под локоть сразу же, как только отпустил Лыков. Смертника, повинного в убийстве государя, передавали словно вещь.

Я уже смирился. Хуже отрубленной головы еще что-то бывает? Сцепил покрепче зубы. Быстрее бы уже все закончилось. Куда снова везут-то?

Меня подтолкнули к кибитке. Я задержался, потому что сложно залезть внутрь с туго связанными впереди руками. И услышал, что Лыков тихо сказал конвойному. Или усталый мозг выдает желаемое за действительное?

– Не все испили живой воды, но чаша не опустела! – еле слышно прошептал молодой подъячий, наклонившись к конвойному.

– Да пребудет с нами сила Креста! – тихо ответил конвойный.

Меня словно ударило молнией. Тело пронзило мелкими острыми иголками и окатило волной узнавания. В висках застучали тысячи молотков.

Кто бы мог подумать, что одна-единственная фраза, сказанная полупрошепотом, превратит поездку в благословенное путешествие?

Всю дорогу я не мог успокоить бьющееся от радости сердце.

Господи, да я же сам придумал этот пароль! В тот самый момент, когда однажды отчаяние почти победило надежду. Когда мы чуть не проиграли.

Не может быть! Значит пока меня не было, верный круг, состоявший всего из семи человек разрастался. Вот это потрясающие новости!

Я несколько лет только и делал, что выяснял, кто из руководителей русской армии и бояр знал пароль ордена «черного солнца». Организации, которая мечтала разрушить не только Русь, но и весь мир заодно. Безумцы.

Перед глазами стоял тот самый вечер, после которого я и ушел в Сибирь.

Красный ковер, тусклые свечи и лежащий на лавке бледный молодой царевич. Выбор тогда был только один. И я сделал то, что должен был.

Мы стояли ошеломленные тем, что враги попытались отравить наследника престола, и в отчаянии создали собственный круг, дав клятву защищать страну до последней капли крови. Тогда-то я и придумал пароль, который знали только семь человек. Когда пристав в каземате грубо спросил, есть ли мне что сказать, я промолчал. Потому что с учетом казни на рассвете, шансы сказать тайные слова тем, кто меня знал, равнялись нулю. Почти нулю.

«Грамота подписана Колычевым, – заметались мысли на дикой скорости. – Не может он знать, что это я! Просто спасают невинного?».

Ладно на месте разберемся. Те, кого я считал своими, точно не будут убивать неповинного. Сначала попытаются разобраться. Я улыбнулся и закрыл глаза. Я знал, куда на дикой скорости темноте неслись лошади.

Картины прошлого замелькали на дикой скорости.

Старица. Чуть больше двухсот верст от Москвы. Именно здесь я оказался шесть лет назад. Стоял в нелепом кафтане и берете посреди грунтовой дороги. В чужом времени. Один среди незнакомых людей. Звенящая тишина вместо адского гула столицы. Запах травы и чистое небо.

«Я так много времени посвятил тому, чтобы разгадать чужие тайны, – подумал я устало. – Странно, но почему-то никогда не задавал себе самого главного вопроса – как я вообще оказался в шестнадцатом веке?»

Столица. Университет. Эксперт в химии и медицинской биотехнологии. Мечта. Помню, как ночью вылетел на федеральную трассу прямо под колеса огромной фуры. Темнота. Никаких фонарей. Поле травы. Октябрь 1575 года.

На удивление я прижился. Нашел преданных друзей, и нажил врагов. Опасных и могущественных. Но мне было чем гордиться.

Я не жалел ни жизни, ни здоровья, отдавая всего себя на благо своей страны. Мы месяцами разрабатывали новое оружие. Русская армия одерживала победы. Вместо позорных поражений. За шесть лет здесь я пережил в сто раз больше, чем за сорок лет серой жизни «до».

Зима 1578 года. Почему я ушел? Не знаю. Никому не сказал, даже близким. Я хотел найти ответы, которые казались важными. Изнурительный поход в поисках призрачной мечты. Годы в ледяных пустынях Сибири.

Чудом выжил, обманув саму смерть. Чтобы вернувшись получить обвинение в убийстве, которое старался предотвратить. Повезло, так повезло.

Я возвращался в Старицу, где провел шесть лет. Дикое желание увидеть тех, кого я считал своими, перекрывал всепоглощающий страх. Что я скажу?

Радовало, что теперь меня не могли опознать враги. Только и свои тоже. Везут иноземца, приговоренного к смертной казни за убийство государя Руси.

Ничего. И не из таких ситуаций выпутывался. Я устало закрыл глаза, вдыхая морозный воздух. Пусть даже и в последний раз.

Глава 2

Сердце рванулось к горлу бешеным стуком. Знакомые до боли башни Старицкого Успенского монастыря. Сколько важных встреч здесь прошло. С теми, кого я искренне считал дорогими и близкими людьми!

Монастырь изменился до неузнаваемости. Укрепленный город-лагерь.

«Конечно, – пронеслась мысль. – После попытки отравления царевича, опасность возникла серьезная. Теперь еще и убийство Ивана Грозного».

Монастырь был окружен двойным кольцом стен. Когда только успели выстроить-то? Прошло всего три года. Внутри земляного вала выросла вторая, деревоземляная стена с частоколом и башнями. Укрепленный плацдарм. Монастырь теперь выглядел, как цитадель внутри крепости.

«Да, технологии на лицо», – улыбнулся я сам себе.

Порадовал отблеск длинных стальных стволов орудий, стоящих на земляных бастионах и надвратных башнях крепости. Сколько же месяцев мы с литейщиком тогда бились над составом стали! Родовались, как дети, когда стволы выдержали испытания взрыва мощного бездымного пороха.

«Бездымный порох есть только у наших, – промелькнуло в голове. – В Москве такого быть не может, как и в любой другой стране».

Свои. Были. Теперь же я для них обычный чужестранец. И как мне теперь вернуться в круг, который сам создал три года назад?

– По государеву делу иноземца ведем к голове государевых тайных дел, – четко сказал один из стрельцов перед входом в крепость.

«Охрана на входе, усиленная причем», – окинул взглядом ратников.

На входе стояло двое вооруженных стрельцов. Наверху с обеих сторон ворот стояли стрельцы у настенных пищалей. Огневое прикрытие на высшем уровне. Через захаб, узкий изогнутый коридор, не прорваться.

Стрельцы внимательно осмотрели меня и спутников, затем расступились. Показалось, что один из моих провожатых сделал знак рукой.

Боковым зрением не рассмотрел какой, может и ничего важного.

– Ведите в Приказную избу, голова тайных дел дожидается, – сказал один из охранников, слегка кивнув головой моим провожатым.

Несмотря на адскую усталость, я оглядывался по сторонам. Столько времени убил, чтобы рассказать про опасность взрыва бездымного пороха. Все в точности выполнено. Ядра и порох были сложены штабелями под навесами.

В крепости явно поработали лучшие инженеры. Мельком отметил систему запруд, которых раньше не было. Теперь в случае штурма можно легко затопить низины перед крепостью. Сработает, как ловушка.

Важные встречи перед военными походами всегда проходили в палатах монастыря, сейчас же все было по-другому. Новое отдельное здание с высоким крыльцом. Судя по всему, расширили одну из монастырских построек. Значит молодой государь обосновал себе здесь резиденцию.

«Надо же начальники и себе выстроили помещение», – удивился я.

Меня подвели к Приказной избе. Я окинул взглядом добротную избу.

«Совсем новая, – мелькнула мысль. – Царевич смог создать малое правление внутри страны. Собрал все службы и документы в одном месте».

Над зданием развивалось большое царское знамя с образом Спаса. У входа в избу стояли приставы, вооруженные топорами. Внутри ничего лишнего, по стенам были развешаны знамена воевод, хоругви полков.

«Все выполняют свои обязанности, даже и не собираются прятаться от годуновских прихвостней, – удивленно подумал я. – Защита на высшем уровне. Напасть на крепость надо совсем ума лишиться».

Все же я ошибся. Насчет «окончательного негласного дознания» подьячий не наврал. Чужестранца спасли из каземата не как невиновного. Тайный сыск был настроен решительно, чтобы узнать все о смерти государя.

«Пытать, надеюсь, все же не будут?» – промелькнуло в голове, когда меня привели в палату, где уже стояло несколько людей.

Сдержался я с огромным трудом, сжав до боли ладони. Страшно хотелось кинуться всем присутствующим на шею. Да только напугаю всех.

– Заходи иноземец, присядь, – знакомый голос прозвучал холодно.

Присутствующие понятия не имели, кто я такой. Зато я хорошо знал всех, стоящих в палате, отведенной для тайного сыска.

«Воевода Михаил Хворостинин, – бросил я быстрый взгляд на высокого стройного мужчину, стоявшего в углу комнаты».

Я волею случая оказался в ратных походах под началом Хворостинина. Более сильного полководца я не видел. Сильный аналитический ум. Всегда выверенная военная стратегия. При взятии Вендена меня не было, но слышал о блестящей победе. Сложенные руки на груди, спокойный взгляд.

Рядом стоял местный воевода, князь Андрей Палецкий, который и превратил Старицкий монастырь в неприступную крепость.

В другом углу, прислонившись к стене, стоял командир отборного отряда конных стрельцов, Иван Крапивин. В усталом сознании поднимались картины прошлых сражений. Всегда впереди отряда. С усмешкой в лицо смерти и саблей наперевес. Даже не знаю, как мы стали лучшими друзьями.

Сердце невольно сжалось. Таким я его никогда не видел. Лицо осунулось, под глазами темные круги. Крапивин словно неделю не спал.

«Измотан до предела, осунувшееся лицо, круги под глазами», – сердце невольно сжалось, потому что боярина я считал самым близким другом.

У двери стоял дьяк Посольского приказа, Василий Шевригин, как всегда с каменным лицом. Никогда не поймешь, о чем он думает на самом деле.

Пригласил меня зайти человек, которого я тоже считал близким. Глава тайного сыска, Василий Колычев. На него всегда можно было положиться.

Пальцы с силой вжались в ладони. Ох не думал, что будет так тяжело. Когда-то каждый из стоящих в комнате мог с легкостью пожать мне руку и даже обнять. Мы столько всего вместе пережили! Побед больше, чем поражений. Всегда стояли плечом к плечу, друг за друга горой. Теперь никто не знал, что перед ними тот самый лекарь. Я же не знал, как рассказать.

Слегка склонил голову вместо приветствия, подошел и сел на лавку. На лавке напротив сидел Колычев, не сводя с меня пристальных серых глаз.

– Допрашиваешься ты, иноземец, об измене великой, – ровным голосом проговорил Колычев. – Ведаешь ли что о скорбном и небывалом убиении благочестивого великого государя Ивана Васильевича? Слышал ли что о крамоле, дабы землю Русскую в конечном разорение свергнуть?

Про крамолу, которая хотела уничтожить Русь, я и слышал, и ведал. Невольно царапнуло мозг о «скорбном и небывалом убиении».

– Как убили-то государя? – не заметил, как вырвалось.

Удивил даже главу тайного сыска. Колычев внимательно посмотрел прямо в глаза, невольно повернулся в сторону Хворостинина и Палецкого. Едва заметно те кивнули, глава сыскных дел снова повернулся ко мне.

– Отравую тайной уморили, – медленно промолвил Колычев. – Зельем неведомым извели, о котором лекаря искусные в сомнении пребывают.

Да что ж такое? Мало было чувства вины, что я не успел вовремя, так еще и отравление неизвестным зельем. Пощечина химику, честное слово.

Всю дорогу, пока я трясся в закрытой кибитке на пути из Москвы в Старицу, было время подумать. Попытаться выстроить линию поведения.

Я уходил, потому что так было нужно. Про сибирский поход я рассказать не мог, даже близким. Да это и не имело отношения к делу. Имелись правда важные последствия, которые и переворачивали все с ног на голову.

«С одной стороны, повезло стать невидимым для верховников ордена, того лекаря уже не найти, – быстро промелькнула мысль. – С другой стороны, теперь те, кому я мог легко доверить жизнь, меня не узнают».

Кровь ускоряла свой бег, сердце продолжало наращивать удары. Нечестно. Если бы я выглядел, как раньше, все кинулись бы меня с радостью обнимать и справляться о здоровье после долгого отсутствия. И Колычев не вел бы допрос ледяным голосом, но рассказал бы подробно все детали.

– Почто, чужестранец, ведать о том желаешь? – спросил Колычев, буквально вцепившись в меня пронзительным взглядом.

Злости в голосе я не почувствовал, но глава тайного сыска явно напрягся.

– Потому что я лекарь из Голландии, присланный на службу государеву, – на автомате повторил я сказанное почти шесть лет назад.

– Был у нас один лекарь, искусный особо, – раздался хриплый голос Крапивина. – Токмо он пропал, как сквозь землю провалился.

Виски пронзило насквозь пульсирующей болью, я с трудом сдержался, чтобы не посмотреть в сторону Крапивина. Зачем я вообще сказал про лекаря?

Я опустил глаза, пытаясь привести в порядок сумбур в голове.

Побочным эффектом пребывания в ледяных пещерах Сибири, стало полное изменение внешности. Никакой мистики. И я мог объяснить перемены. Толку-то? Находившиеся в комнате видели абсолютно незнакомого человека.

Когда шесть лет назад я оказался здесь с грамотой лекаря Иоганна из Голландии, внешность и возраст почти совпали с моими. Сорок лет. Темно-русые волосы до плеч, серые глаза. Высокий рост, два аршина и десять вершков или метр восемьдесят пять. Выбивался из среднего формата. К счастью, все, с кем дружил и работал, оказались довольно высокими.

Теперь я гораздо больше походил на голландца. Хотя не совсем. Почти белые с жемчужным блеском волосы до плеч. Кристально-прозрачные глаза. Белая кожа. Да, я получил способности, о которых и не мечтал, заплатив дорогую цену. И рассказать об этом никому не мог. Даже бывшим друзьям.

Боль сдавила левую сторону груди. Что же мне теперь делать?

– Не больно-то молодой для лекаря? – процедил из угла Палецкий.

Ну вот приехали. Наблюдательные все, как я посмотрю. Возраст был второй проблемой. После возвращения из Сибири, в поместье братьев промышленников Строгановых на Урале я впервые увидел собственное отражение. В большом венецианском зеркале, что висело в большой горнице.

Изменились не только глаза и волосы. Разгладились морщины, я выглядел лет на тридцать, даже чуть моложе. Лицо стало совершенно другим.

Вначале я просто радовался, что могу вернуться и больше не прятаться. Выписавшие смертный приговор адепты темного ордена не смогут меня опознать. Вот только своим я как теперь докажу, что я – тот самый лекарь, который подарил передовые технологии и организовал круг Креста?

– За какой надобностью ты под стенами Кремля-града Московского блуждал? – Колычев хорошо держал допрос, не срываясь на эмоции.

Ох, как сложно-то говорить со своими, как с чужими. Я так привык, что мы были по одну сторону. Всегда говорил свободно, не контролируя каждое слово. Откуда же я мог знать, когда уходил, что все закончится вот так?

Прошел почти месяц после моего возвращения в Москву. Тяжелые картины стояли перед глазами. В путешествии было легче. Внешность никого не удивляла, необычную речь всегда списывали на иностранную. Подумаешь, белые волосы и кристальные глаза. Чужестранец, кто тех немцев разберет?

– Я приплыл в Москву с архангельскими купцами, – начал я рассказ, строго следя за собственными эмоциями. – Первый раз Москву увидел с реки.

Промолчал, что по прибытии в столицу поразила необычная тишина. К моему прибытию в Москву прошла всего неделя со смерти государя, Ивана Грозного. Потом три недели я провел в каземате, ожидая смерти.

– На стенах Кремля было много ратников, вооруженных пищальями, – проговорил медленно. – Целый отряд, полностью готовый к обороне.

Я прекрасно знал, что говорить. Боковым зрением заметил, как Хворостинин, Палецкий и Крапивин сделали непроизвольно шаг вперед.

Усмехнулся про себя. Любые разведывательные данные на вес золота.

– На пристани у Всехсвятского моста была застава, – продолжал я спокойно. – Проверяли всех, купцов, товар, грамоты. Допрос был очень тщательным. Спросили кто я, откуда и куда еду? Я показал лекарскую грамоту. Все проверили. Пропускали дальше только тех, кто был в списках.

Разговаривать на языке этого времени я не научился, хотя старался. Окружающие понимали, что я говорю, переводя незнакомые обороты на свой манер. Сейчас иноземная речь, правда, была наименьшей моей проблемой.

Глубоко выдохнул. Как же тяжело сортировать информацию.

– Москва сильно изменилась, по сравнению с тем, как я запомнил в пять лет назад, – сказал в общем-то правду, постаравшись скрыть основное.

– Что сейчас диковинное увидел, лекарь? – Колычев умело вел допрос.

– В этот раз на улицах практически не было людей, – сказал я совершенно искренне. – Столица напоминала кладбище. Редкие прохожие смотрели строго в землю, никто не останавливался, не разговаривал.

Когда я сошел с пристани, шок и правда был сильнейший. В какой-то момент показалось, что Москва на строгом режиме. Хотя и на траур было не особо похоже. В воздухе буквально витал леденящий страх и тревога.

На похоронах государя Руси я не присутствовал в силу того, что находился в палате, приговоренный к смертной казни. Как-то не пришло никому в голову пригласить убийцу на траурную церемонию.

– Кремль напоминал гробницу, – сказал я медленно. – Когда подошел к Спасским воротам, увидел множество охраны, не только на стенах. Два ряда пеших стрельцов стояли с зажженными фитилями у пищалей, почти столько же стояло у Архангельского собора. Ворота в кремль никому не открывали, пройти можно было только через узкую щель под прицелом десятков пищалей.

Заметил злорадную ухмылку на лицах Хворостинина и Палецкого.

Под смертным приговором не сильно думалось. Осознание приходило только сейчас. Я понимал, что нахожусь в зоне «малого правления» страны, которое теперь было в оппозиции «большому» во главе с Годуновым.

«Темный орден торжествует, – со злостью подумал я. – Сына удалось спасти, но отца все же убили. Что за неведомое адское зелье-то применили?».

Тот факт, что Борис Годунов пытался всеми силами угодить ордену, я знал наверняка. Зря что ли три года играл в опасную двойную игру, выдавая себя за члена ордена? Зато мог спокойно доносить сведения своим.

«Иван Иванович, по сути, законный наследник, – пронеслось в голове. – Хвала вселенной, жив, но вынужден скрываться от Годунова и прихвостней».

Рассуждения прервали. Неожиданным совершенно заявлением.

– Грамота лекарская, тобою явленная, подложная, – сказал вкрадчиво Колычев, наклонившись ко мне. – Скажи, откуда бумага сия у тебя?

Меня словно током ударило. Я уставился на Колычева, не в состоянии отвести взгляд. Святые угодники! Так вот в чем дело! Идиот, что тут сказать.

Как можно было попасться на собственной грамоте! Знал же, что выгляжу по-другому! Столько грамот подделывал, мог же и себе выписать любую бумагу. Зачем в Москве старую-то показал? Ученый называется.

С одной стороны, было приятно. Я понял почему меня выдернули с каземата. Находящиеся в комнате знали, что чужеземец невиновен в убийстве государя. И догадывались, кто убил. Однако дело было не только в этом.

Судя по паролю, люди верные «малому правлению», были везде. Тайному сыску быстро донесли, что какой-то молодой иностранец разгуливает с грамотой лекаря Иоганна, которого Колычев прекрасно знал. Лично. Глава сыскных дел и грамоту мою видел неоднократно. Быстро выявили подлог и привезли ложного лекаря, то есть меня. Неплохо тайный сыск наладили.

С другой стороны, как мне теперь выкручиваться-то?

– Отвечай, чужеземец, грамота сия как к тебе попала? – не ожидал что вступит Крапивин, который подошел к лавке и смотрел сверху вниз.

Ситуация опасная, почти такая же как с обвинением в убийстве.

Нет, ну надо же было столько пройти и попасться на такой мелочи!

В грамоте на обратной стороне было написано: «власы русы, очи серы», собственно, русые волосы, серые глаза. Сейчас же на лавке сидел слишком молодой лекарь, с белым почти волосами и ледяным прозрачным взглядом.

Ни разу не похоже. Дурак, других слов не было. Грамота из пропуска превратилась в улику. Паспортов не было в шестнадцатом веке, поиск преступников работал по приметам. Несоответствие было страшнее, чем отсутствие документов. Теперь нужно доказать, что я не шпион. Что еще хуже, нужно убедить всех, что я не колдун, умеющий менять внешность.

«Второе не так уж далеко от правды, – пронеслась мысль. – Я и есть колдун, изменивший внешний облик. Правда, не могу рассказать, как».

– Грамота моя, выдана для службы государевой на Руси, – вздохнул я.

Вести дальше игру сил не было. Сознание медленно гасло. Разум сдавался от отчаяния, боли и усталости. Не хватало еще быть убитым своими, с кем прошел нечеловеческие испытания и образовал секретный круг.

– Я лекарь Иоганн, прислан из Голландии, – повторил я привычное.

– Ты не истинный лекарь! – в голосе Крапивина послышалась угроза.

Я вжался в лавку, лихорадочно соображая, что же мне теперь делать? Боль усилилась. Вместе с возмущением в голосе боярина прозвучала настоящая боль. Которая легко передалась

мне. Я не знал, сколько продержусь. Скрываться от близких людей оказалось тяжелее, чем я думал.

– Нельзя быть истинным или ложным лекарем, – произвольно вырвалось. – Можно быть умным или глупым. Я, как видно, из второй партии.

Раньше на подобную фразу я услышал бы бархатистый веселый смех Крапивина, всегда источающего тонны жизненной энергии. Шутить он умел намного лучше меня. Сейчас же боярин дернулся как раненый сокол.

– Сознайся, что убил лекаря и взял его грамоту! – выкрикнул Крапивин, который сделал еще шаг ко мне, пронзая гневным взглядом.

Он никогда не отличался такими качествами, как сдержанность. Одного удара хватило бы, чтобы я месяцами потом лечился. Сильное и натренированное конной ездой тело против тщедушного, худого лекаря.

Ну вот приехали! Сейчас обвинят в убийстве меня самого.

– Да я и есть тот самый лекарь! – прокричал я в ответ, вскочив резко с лавки, сорвавшись от бессилья, отчаяния и захлестнувшей злости.

Можно ли в крик вложить последние оставшиеся силы? Конечный прорыв. В глазах резко потемнело. Я судорожно вдохнул, думая только о том, чтобы не упасть в обморок. Некрасиво будет при всем честном народе.

Все. Теперь можно выдохнуть. Пусть лучше рубят голову. Дурацкая игра получается, вообще без правил. Не смогу я постоянно притворяться.

Удивился странной тишине. Оглянулся по сторонам. Пока шла наша перепалка с Крапивиним, все подошли ближе. Смотрели на меня и молчали.

Говорят, именно голос подделать невозможно. Наверное, что-то показалось знакомым. Тишина стала буквально звенящей.

Мутным взглядом я обвел комнату. Хворостинин напрягся, наклонившись вперед и сжав скулы. Палецкий пристально смотрел, не отводя взгляд. Колычев в задумчивости прищурился. Крапивин осматривал меня сверху донизу цепким взглядом. Я же думал только о том, как не упасть.

– Какие доказательства предъявишь? – первым также отреагировал Крапивин, уставившись на меня горящими глазами с неприкрытой угрозой.

Глава 3

Вот и начался разговор. Хотя бы сразу не ведут голову рубить. Я физически ощущал, как ледяной ком в середине груди начинал медленно таять. Все остальные молчали, включая главу тайного сыска Колычева.

– Тебе доказательства нужны? – усмехнулся я, выравнивая дыхание и пристально посмотрев в глаза боярина. – Не переживай, есть у меня.

Крапивин слегка отклонился назад, продолжая осматривать меня с ног до головы, словно редкое насекомое огромного размера. В глазах боярина плескалось сомнение. Меня же снова пронзила боль. На вязкой почве отчаянной надежды мелькало: «а вдруг?». Сердце сжалось от дикой тоски.

Я медленно вытащил из-под рубахи за плотный шнур большой серебряный крест, который никогда не снимал. Необычный. Размером один вершок, пять сантиметров, полностью квадратный. Все четыре стороны широкие и равные по размеру. Вся поверхность лучей была испещрена выпуклыми серебристыми линиями, похожими на витиеватые узоры. На самом деле секретные алхимические символы. Такое не подделать.

– Эка невидаль, лекаря спровадил, крест нательный и прикарманил, – проговорил хрипло Крапивин, не сводя глаз с уникального украшения.

Хорошая попытка. Три года назад не я, профессиональный химик, но именно Крапивин увидел символы на конце каждого луча. Алхимические знаки четырех очень редких элементов. Что и позволило мне позже создать бесценный раствор. Точнее сказать, всего было пять элементов.

В центре креста была необычная капсула, похожая на запаянное стекло. Внутри переливалась густая темно-рубиновая жидкость. Кровь.

– Я никого не убивал, Крапивин, – устало сказал я, эмоций оставалось все меньше. – Крест мне подарил блаженный отрок, Елисей, сын купца Петра.

Что-то промелькнуло в синих глазах. Как сильно он хотел поверить!

– Помнится мне, однажды я держал этот самый крест прижатым к твоему простреленному насквозь животу, – решил я на последний шаг, подойдя вплотную к Крапивину и пристально посмотрев в глаза. – В Ревельской крепости у лазарета. Шансов выжить у тебя не было. Только ты встал на следующий день. Живой и здоровый. Про бабку свою рассказал, что была сильно худой, с белыми волосами и прозрачными глазами. Помнишь?

Тело Крапивина натянулось, как струна. В темно-синих глазах заметался огонь, волны боли стали физически ощутимыми. Но я не отвел взгляд.

Что-то мелькнуло. В самой глубине. Слабая искра. Он продолжал смотреть. У меня же и выбора другого не было. Сейчас или никогда.

Блеск в глазах Крапивина достиг апогея. Конечно, настоящий лекарь мог рассказать мне все это перед смертью, если я его убил. К моему счастью боярин всегда верил своему сердцу больше, чем разуму. Это меня и спасло.

Как много могут сказать скупые мужские объятия! Крапивин сделал шаг и крепко обнял. Целое море отчаяния и боли исчезли в одно мгновение.

– Лекарь! – прошептал Крапивин, не сводя с меня глаз.

– Кости только не переломай, – отшутился я, с трудом сдерживая слезы.

Вот, наконец, и тот самый заливистый хохот. По которому я так скучал.

– Все твои лекарские штучки? – прищурившись насмешливо спросил Крапивин, пристально оглядывая переливающиеся перламутровым блеском волосы, доходившие до плеч, и сильно помолодевшее мое лицо.

– О да, Крапивин, те самые лекарские штучки, – невольно улыбнулся я.

Все это время остальные молчали. Я знал про всех, стоящих в комнате. То, чего даже перед смертью ни один человек не рассказал бы. Не успел бы.

Справа почти вплотную подошел Палецкий. Уж с ним я был знаком практически с первого дня. Не раз он спасал меня от смерти. Как и я его.

– Однажды я видел, как горел труп бесовского лекаря, Бомелия, – начал я тихо, повернувшись и посмотрев прямо Палецкому в глаза. – Хотя он и заслужил собачью смерть. Пытался отравить государя Руси ртутью. Почти получилось. И про планы ордена черных алхимиков с гордостью рассказывал, как они жаждут уничтожить царский род и разрушить Русь до основания.

Палецкий сделал короткий шаг и порывисто обнял. Теплая волна медленно растапливала ледяной ком льда. Все переживания последних дней постепенно таяли в коротких, но искренних объятиях друзей.

Я никому так и не сказал, даже своим, что именно Палецкий пристрелил адского колдуна Бомелия. Носившего на руке печать «черного солнца». Той темной зимней ночью мы вместе стояли, пока огонь полностью не уничтожил мерзкий труп. Сохранив общую тайну. Про убийство без суда и следствия.

Я медленно переводил взгляд на Кольчева, на Хворостинина, на Шевригина. Перед глазами замелькали самые ужасные картины, которые я пережил в этом времени. Холодный ужас поднялся вверх по позвоночнику.

Торжественный прием. Награждение ратников в Грановитой палате после победы. Падающий царевич, который отпил из отравленного кубка.

– Помню, как мы бежали в Крестовую палату, – я намеренно чеканил каждое слово. – Когда мы захлопнули дверь, царевич уже не дышал.

Гробовая тишина сопровождала мой необычный рассказ. Как будто это было вчера. Мерцающий свет от восковых свечей, тяжелое дыхание Палецкого и Крапивина, которые бегом несли уже неподвижного царевича.

«Царевич не дышит!» – пронесся в голове отчаянный крик.

Такое я не забуду никогда. Пространство палаты сжалось до одной точки. Я принимал самое сложное решение в своей жизни. Сейчас могу снова подтвердить, что другого выбора не было. Я сделал то, что должен был.

– Тогда я и достал сосуд, – продолжал я намного тише. – Мы влили каплю в горло молодому государю, и он быстро оправился от смертельного яда. Каждый из нас сделал небольшой глоток. Вы поверили мне тогда. В отчаянии мы поклялись стоять до самого конца, защищать свою страну до последнего вздоха от врагов извне и от предателей внутри.

Реакции я и не ждал. Болью отдавалось каждое слово.

В той палате мы и встали в круг. Измотанные походами и постоянной борьбой с мощнейшим орденом «черное солнце». Сил оставалось все меньше.

Мы не знали, кто из своих в следующий раз воткнет нож в спину. Адепты были повсюду, в том числе среди руководителей государства и русской армии. Я физически и морально был истощен двойной игрой. Пытаясь разведать планы темного ордена, я расплачивался собственным рассудком.

– Не все испили живой воды, но чаша не опустела! – четким голосом проговорил воевода Хворостинин, не сводя с меня глаз.

Я слегка улыбнулся. Воспоминания одновременно наполняли и болью, и радостью. В Крестовой палате, предотвратив страшное убийство, я и принял решение. Мне удалось сделать редчайший эликсир, за которым гонялись все силы мира. Смешно, что черные алхимики окружали все это страшной тайной. Не было никакой мистики, чистая наука. Сложнейшая процедура. И только мне удалось раздобыть пятый элемент – кровь редкого северного народа.

– Мы тоже создадим свой круг, – повторил я в точности, что сказал тогда. – Если враги создали сильный орден, чтобы уничтожить Русь, мы создадим нерушимый круг Креста. И посвятим все силы, чтобы противостоять на равных. Мы будем бороться за свою страну до последнего вздоха!

– Да пребудет с нами сила Креста! – сказал я громко и четко.

– Да пребудет с нами сила Креста! – среди хора знакомых голосов услышал глубокий мелодичный баритон.

Резко обернулся. В палату, пока я рассказывал свои истории, зашел наследный государь, молодой Иван Иванович. Царевич знал, что три года назад «тот самый лекарь» спас ему жизнь, и вместе со всеми дал вечную клятву защищать свою страну. Убедить бы еще царевича, что это я и есть.

– Ты, лекарь, жизнь мне спас, и Отечеству многими делами послужил, – голос молодого государя разливался по палате мелодичным звоном. – Достоин великой чести. Весьма рад, чтоворотился живой и невредимый.

Вот не ожидал. Иван Иванович быстро подошел, пристально посмотрел и протянул руку, которую я в полном недоумении пожал. Огромная честь по законам того времени. Я ошеломленно поклонился, не зная, что сказать.

Я имел честь наблюдать Ивана Ивановича в военных походах. Великая доблесть и непоколебимая храбрость. Невольно поежился. Все это сейчас работало против меня. Царевич отступил шаг назад и продолжал наблюдать.

Стальной взгляд ясных глаз молодого государя пронзал насквозь. Не хотел бы я оказаться царевичу врагом. Люди с такой внутренней силой все отдадут за друзей. Врагов же сравнивают с землей и не задумаются.

Подошел Хворостинин, и также как Палецкий порывисто обнял.

– Слава Богу милостивому и вправду жив, – проговорил воевода.

Колычев встал с лавки, когда еще произносил секретный пароль. Сейчас подошел и пожал руку, продолжая при этом внимательно изучать. Хотел спросить, что не так, но тут подошел Шевригин и протянул руку.

– Мы все от того сосуда испили дивного зелья, но не переменялись, как ты, лекарь, – Крапивин редко обращал внимание на нормы и правила.

– Изменения внешности и не должно быть, – спокойно ответил я. – Мои перемены не имеют отношения к зелью, которое все выпили.

– Какие тогда перемены зелье дает? – немного разочаровано спросил Крапивин, продолжая пристально меня осматривать с головы до ног.

Вопрос задел за живое. Тогда у меня не было времени объяснить, после исцеления царевича, все поверили мне на слово и сделали глоток.

– Ну, во-первых, мы не можем заболеть никакой заразой, – сказал я уверенно то, что знал наверняка. – Есть и другие последствия.

– Какие, лекарь? – серьезно спросил Палецкий.

Что же мне везет так на сложные ситуации? Только что выпутался от смерти, вроде бы доказал своим, что я – это я. Надо же грамотно ответить. Чтобы не поволокли сразу сжигать на костре, как злостного колдуна.

– Я долго изучал бумаги царского лекаря, Бомелия, – начал я издали. – Много беседовал с монахом Старицкого монастыря, блаженным Корнелием.

– Брось, лекарь, круги точить, – импульсивный Крапивин быстро высказал мнение остальных. – Полно отнекиваться. Что зелье то дает?

– Точно не знаю, – покачал я головой. – Я нашел все части рецепта и самый редкий элемент. Зелье защищает тело, лечит от всех болезней.

– Ох ты Господи, да я триста лет проживу! – воскликнул удивленный Крапивин. – Диво дивное! Будто сказочный замороженный!

Улыбнулся даже сдержанный Шевригин. Я покачал головой, скрывая улыбку. Крапивин в общем-то был самим собой. Веселым и жизнерадостным.

– Про триста лет ничего не могу сказать, – покачал я головой. – И никакое зелье не поможет, если тебя саблей проткнут или пулей прошьют. Раствор помогает лечить ранения, как тогда в Ревеле, но не спасет, если тебя на части изрежут. Или голову отрубят. Нужно быть осторожным!

При упоминании отрубленной головы сам вздрогнул. Буквально сутки назад я был уверен, что не выберусь, и меня казнят, как царевубийцу.

– Зелье сие от всякого недуга спасает? – переспросил Шевригин.

– Думаю, что да, – перестал я выкручиваться.

Раствор вовсе не был мистическим. Но объяснить точнее я не мог. Если мозга профессора медицины с трудом хватало, что уж говорить про остальных.

– К сожалению приготовить зелье второй раз не получится, – посмотрел я на Шевригина. – Понимаю, что раствор можно выгодно использовать. Но нужных частей больше нет. Я не смогу сделать напиток еще раз.

– И пожалуйста, все это должно держаться в строжайшей тайне! – я слегка повысил голос. – Члены ордена «черного солнца» при одном упоминании о том, что у меня возможно получилось, будут гоняться за нами вечно. Сейчас и так проблем достаточно, чтобы еще и от этих крыс бегать.

Обвел глазами стоящих вокруг. Хворостинин высказался за всех.

– Перед Богом и государем поклялись тайну хранить, – серьезно проговорил воевода. – Никто никогда не проведаст, меж нами останется.

Я удовлетворенно кивнул. Устал я смертельно, но было много вопросов. Главное чего я не понимал, так это почему после смерти Ивана Грозного наследный государь прячется в Старицком монастыре? Пусть и укрепленном.

Сильно хотелось узнать, что вообще происходит. Помешал Крапивин.

– Лекарь, да ты нынче красавец писанный! – все это время боярин не сводил с меня глаз, теперь же еще и обошел вокруг, окидывая взглядом, как породистую лошадь. – Словно с иконы сошел. Девки следом ходить будут!

Я не выдержал и громко расхохотался. Боярин в своем репертуаре. Рассмеялись все, даже царевич. Наверное, всем нужна была такая передышка, когда можно было просто подучиться, и не думать об опасности.

– Крапивин! – попытался изобразить возмущение.

– Чего? – удивленно вскинул брови Крапивин. – Смотри, какой молодой! Как с картины сошел. Очи девичьи, что светоч, слепить будешь!

– Завидуешь? – боярину я всегда отвечал так же, с иронией.

– Ха! – хмыкнул Крапивин. – Я и сам молодец хоть куда! Не хуже твоего.

Кстати, это было правдой. Кроме лихой удали и сильного ума, Крапивин отличался потрясающей красотой. Темно-синие сверкающие глаза, блестящие черные волосы, идеальная фигура от постоянных конных тренировок. Да, выигрывал явно боярин, я же напоминал бледную тень настоящего светила.

– Не волнуйся, твоих барышень не буду переманивать, – вздохнул я. – Куда мне с истинным красавцем тягаться? Переживу как-нибудь.

Веселье казалось коротким, как вспышка пламени. Но даже и этого оказалось достаточно, чтобы хоть немного согреться. Таковы были законы круга. В центре разверзшегося ада, убийства государя Руси и захвата власти, мы создавали маленький островок, где можно было хоть

немного передохнуть. Невысказанный вопрос – что же мы будем делать дальше, висел в воздухе.

– До того переменялся, что ни роду, ни племени не сыскать, – прервал веселье серьезный голос Колычева, который тоже меня рассматривал. – Преобразился так, что свои не признали. Чужие и подавно не распознают.

Шевригин кивнул. Сказано было явно не с целью похвалить. Липкий холодок пополз по спине и вонзился в левую лопатку. О нет! Ни за что. Только не все сначала. Выглядел может я и молодо, только в душе нес столько боли, тревоги и отчаяния, что хватило бы на древнего измученного старика.

Видно, неподдельный ужас отразился на моем лице, потому что Колычев промолчал. Однако я знал, что это временная отсрочка. И понимал, что предложат. Такое уникальное стечение обстоятельств грех было не использовать. На пользу страны. Самое странное, я знал, что соглашусь.

Несмотря на постоянный страх и ожидание провала.

Сейчас просто не хотел об этом еще думать. На удивление руководители государства в сложнейшей ситуации обладали природным тактом.

– Лекарь с плахи смертной снятый, от казни уцелел да в пути-дороге изможден вконец, – проговорил обеспокоенно Палецкий. – Вон из сил совсем выбился, на ногах едва стоит. Надобно отдохнуть, после вести разговоры.

«Спасибо!» – внутренне возликовал я. Силы и правда были на исходе.

Все закивали, соглашаясь с Палецким. Наверное, я производил удручающее впечатление. В глазах и правда уже двоилось. Столько эмоций да за такой короткий срок. Я даже не помнил, когда последний раз ел.

– Где обитать станешь, лекарь? – посмотрел на меня Крапивин. – Живи в моих хоромы, ежели хочешь. Пока устроишься.

– В монастыре можешь оставаться, целее будешь, – вступил Палецкий.

– Спасибо огромное, – искренне сказал я, прикусив губу.

Такая забота о моем пребывании тронула до глубины души.

– Не знаю, как я докажу, что я и есть тот самый лекарь, – вздохнул я удрученно. – Но я хотел бы вернуться в дом купцов Ткачевых.

– Почто доказывать? – цепкий взгляд Колычева заставил напрячься. – Скажешь одним, узнают другие. Прежний лекарь прахом пропал, правление новое да и верховники ордена искать перестали. И мысль не придет, что ты жив. Оставь все, как есть. Сгинул и сгинул, не поднимай пыль.

В словах главы тайного сыска был глубокий смысл. Я не мог не заметить, что на словах «новое правление» Колычева аж передернуло.

– Грамоту новую тебе легко выправим, – поддержал Шевригин. – Приметы, как есть запишем, будет пропуск по Старице, да и по Руси.

Что я мог возразить? Шанс скрыть прошлое глупо было не использовать.

– Надобно тебе имя немецкое замысловатое придумать, – Крапивин всегда превращал все в шутку. – Негоже, что нас обоих Иванами звать.

Я вымученно улыбнулся, не собираясь рассказывать разницу между голландцами и немцами. Какая мне разница? Чужестранец, ну и ладно.

– Леонгард может какой, или Вульф, – продолжал веселиться Крапивин.

– Не буду я Леонгардом, – фыркнул я. – И уж тем более Вульфом.

– Адриан, нареченный морем, – коротко сказал Палецкий.

– Ламберт, светлая земля, блистающая, – подключился даже Шевригин.

Какие все образованные, как я посмотрю. Так и слышал, как Крапивин заходится от смеха, называя меня Ламбертом или Вульфом.

– Пусть будет Адриан, – вздохнул я. – Море, так море.

– Грамоту составлю, – кивнул Шевригин. – Государь подпись поставит. Храни тайну, не вороши прах, не то пламя на себя навлечешь.

Так в третий раз я начал жизнь заново. В качестве молодого чужеземного лекаря Адриана, присланного из Голландии на службу государеву.

Общение с близкими людьми, пусть и недолгое, смыло почти всю горечь, боль и отчаяние долгих трех лет. И особенно последних недель.

Свобода. Наконец-то. Как приятно было выйти на улицу без мешка на голове и не со связанными тугими веревками руками. Во дворе Старицкого монастыря я остановился, наблюдая, как золотые лучи зимнего солнца освещают священные купола. Святая обитель давала уникальное ощущение, что кроме технологий, нас охраняют высшие силы. Тревога все же не утихала.

Какие у нас теперь планы? Что вообще мы будем делать?

– Лекарь, уймись уже, – усмехаясь сказал Крапивин, наблюдая за мной. – Ты на покойника похож, словно с того света пришел. Подкрепись, поспи. Как в чувство войдешь и разум в голову воротится, тогда и о делах потолкуем.

– Только что сказал, что я красавец писанный, – изобразил я возмущение.

Крапивин рассмеялся. Наверное, я специально подначивал друга. Бархатистый смех боярина я мог слушать вечно. Как же мне этого не хватало!

– Пойдем, подвезу до двора, – сказал Крапивин. – Не пешим же идти.

Идти полтора километра и правда не хотелось. Норму пешеходных прогулок я полностью выполнил, проходя в день десятки километров в поисках несбыточной мечты. Находился уже за свою жизнь, хватит.

Подожел Палецкий и мы втроем пошли к выходу. Я все время оглядывался по сторонам. Крепость была готова к длительной осаде.

– Смотрю, вы основательно подготовились, – сказал я с восхищением.

Половины построек не было, когда я был внутри монастыря три года назад. Времени даром не теряли. Было выкопано несколько глубоких ям-погребов, над которыми высились небольшие холмики в рост человека. Насыпи были обложены дерном и досками для утепления, торчали только массивные срубы входных тамбуров с двойными дверями и вентиляционные трубы-отдушины. Искусственные ледники для хранения продуктов.

– Амбары новые поставили, – с гордостью сказал Палецкий, также оглядывая двор. – Все полны, запасу наложили на годы вперед.

Рядом с ледниками стояло несколько больших амбаров, двери были обиты железными полосами, с массивными засовами от огненных стрел. Крыши были покрыты тонкими досками для теплоизоляции и защиты.

У каждого помещения стояли недавно вырубленные глубокие колодцы с мощными срубками и журавлями. Вода всегда являлась ключевым ресурсом осады. Запасы дров и угля были сложены в огромные поленницы под навесами, снова признак расчета на долгую блокаду зимой.

«Запасают все на месяцы вперед», – промелькнуло в голове.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять, что Палецкий готовился к затяжной осаде. Да почему наследник должен прятаться? Да как так? Почему государь должен прятаться? Царевич – истинный наследник престола!

– Пошли, лекарь, повозка ждет, довезу до двора купцов, – насмешливо, как всегда, сказал Крапивин. – Переведи дух, успокойся.

К тому, что в этом времени все буквально умели читать мысли, я давно привык. Хотя, скорее всего, я не умел скрывать эмоции.

– Все дела успеем после переговорить, – поддержал Палецкий, когда мы дошли до ворот.
– На свежую голову все и рассудим. Отдохни, лекарь.

Я вздохнул. Конечно, оба правы. За воротами ждала открытая повозка. Наконец-таки. Свободен. Не в кибитке и не со связанными руками, как убийца.

Глава 4

Мы с Крапивиним сели в открытую повозку. Очень хорошо. Закрытые помещения сейчас плохо на меня действовали. Вернули лекарскую сумку, которую Лыков предусмотрительно изъясил у приставов каземата.

Дорогу я прекрасно знал, сколько раз проезжал туда и обратно.

Возница сидел впереди, мы сели спиной к кучеру и лицом к дороге. Наконец я выдохнул. Долго смотрел на удаляющие покрытые свинцом купола Старицкого монастыря, которые в отражении зимнего солнца отливали серебристо-серым цветом. Вдыхал полной грудью прохладный воздух. Уникальная атмосфера прекрасного места, куда меня определила вселенная, вызывала невероятное блаженство. Одновременно со страшной тревогой.

Крапивин сидел рядом, изредка поглядывая. Я усмехнулся. Принять другую внешность человека, с которым близко дружил три года, не так просто. Радость узнавания – прекрасная вещь. Только каждый раз бросать взгляд на незнакомое лицо, и убеждать себя, что рядом сидит друг, довольно тяжело.

Как же я устал! Дорога успокаивала, я закрыл глаза и думал о встрече с купцами Ткачевыми. Спасла дикая интуиция боярина. Он резко повернулся, когда телега выехала на узкую часть дороги. Чутье война.

– Деревя нет, – процедил Крапивин, чем сильно удивил.

Я с трудом открыл глаза, веки налились свинцом. Что за бессмыслица? Ну нет и нет дерева, упало может или срубили. Какое счастье, что со своей рассеянностью я всегда оказывался рядом с ратными людьми.

– Лекарь, засада! – успел крикнуть боярин.

Я даже не успел повернуться. На самой узкой части дороги из кустов выскочил крупный парень. Удар кучера в спину произошел так быстро, что я не успел ничего сделать. Кучер закричал, нападавший стащил его с облучка.

«Как точно нападение-то рассчитано», – не к месту пронеслась мысль.

Стащив кучера, нападавший перерубил постромки у лошади, которая рванула сразу в сторону. Телега осталась на месте, дернулась и замерла.

Одновременно с действиями первого, справа и слева от повозки из кустов выскочило несколько человек. Телегу полностью блокировали.

«Ни бегства, ни маневра», – подумал я на удивление спокойно.

Мы оказались к нападавшим лицом к лицу.

С правой стороны к телеге подходил самый старший из всех, как я понял главарь. Демонстративно держа в руке большой топор. Главарь с мерзкой ухмылкой поднял топор повыше, чтобы никто не сомневался в намерениях. Мы оказались зажаты в телеге. Кучер, дай Бог, жив, но точно без сознания.

«Надо же было суметь уйти от казни, чтобы вот так тупо попасться на проселочной дороге обычным разбойникам», – промелькнуло в голове.

Конечно, я ожидал нападения новых властей или, что много хуже, орденских. Разум быстро дал ответ – ни те, ни другие. Нападавшие решили просто поживиться легкой добычей. Что не спасет нас от смерти.

Крапивин в отличие от меня, не отличался рассеянностью.

Боковым зрением я едва заметил молниеносное движение руки. Боярин, не спрыгивая с лавки, развернулся через спину к задку телеги, куда с хрипом лез первый нападавший, сбивший кучера. Буквально за секунду выхватил кортик и, коротко взмахнув, всадил клинок под ребро бандиту.

– Получай, сволочь! – в хриплом голосе Крапивина не было паники.

Ничего себе скорость! Бандит охнул и резко осел вниз, держась за живот. Расползлось пятно крови. Удар был невероятной силы.

– Лекарь, не дай окружить! – крикнул боярин, спрыгивая с телеги.

В отличие от Крапивина я не сумел так быстро спрыгнуть с телеги.

Справа от телеги ко мне шел главарь, замахиваясь топором для удара.

– Попался, иноземец, – грубый голос неприятно резанул слух. – Ишь ты, красавец писанный! Не в ту сторону завернул, пришлый!

Вот же наградила вселенная. Теперь моя иконописная внешность станет приманкой для всей нечисти в округе. Буквально на лбу написано, что не местный. Нападайте, кто хочет. Раньше хотя бы из общей толпы не выделялся.

Драться я в принципе не умел, однако ум и выдержка ученого многого стоят. Опасность смерти очень хорошо прочищает мозг. Я как в замедленной съемке наблюдал за движением руки, сфокусировавшись на замахе.

«Боевой топор, чекан», – непроизвольно проскочило в голове.

Да что ж такое? Вот обязательно знать, чем меня сейчас разрубят?

Я не отпрыгнул. Уже не успел бы. Если бы дернулся с телеги, подставил под удар спину и затылок. Главарь наклонился корпусом вперед над бортом телеги, чтобы рубануть со всей силой. По диагонали справа-налево.

Доли секунды. Расчет стал единственным моим спасением. Оставалось только небольшое пространство сзади и вбок от линии удара.

Я резко уперся правой ногой в пол телеги, и, схватившись за левый борт телеге быстро метнулся по лавке назад и влево, уходя от удара.

Свистящий удар топора рассек воздух и с грохотом вонзился в деревянную лавку, на которой я только что сидел. На один момент главарь оказался в полуметре. Правая рука с топором застряла в лавке.

Живот и шея были открыты. Рука уже была в футляре, который всегда висел на поясе. Пусть не сабля и не кортик, но острейшие ланцеты тоже нормально так подходят. Если всадить в точный момент и в нужное место.

Времени на раздумья не было. Страх тоже. Чистый холодный расчет.

Первый выверенный удар и отточенное лезвие вошло в мышцу предплечья правой руки, которой главарь пытался вытащить топор. Резкая боль заставила главаря рефлекторно дернуться и отпустить опору.

– Колдун бесовский, жилы рвешь! – прохрипел главарь.

Ну так меня еще не обзывали. Бес, так бес, чего уж останавливаться?

Второй удар нанес сразу после первого. Главарь ахнул и попытался вырвать топор, я пронзил ланцетом наружную часть бедра, у самого края телеги, целясь в нерв. Бандит резко вскрикнул, и нога подкосилась. Сработал инстинкт выживания. Он резко отпустил топор и отпрянул от телеги.

Встать, правда не смог, раненная нога не держала. Главарь тяжело рухнул на землю, хватаясь за бедро, из которого сочилась кровь.

– Черт! Нога не держит! – захрипел бандит, опираясь на колено.

Я перекатился с лавки и быстро спрыгнул на землю рядом с вопящим мужчиной, прижав окровавленный кончик ланцета к шее под челюстью.

– Не вздумай дернуться, – прошипел я со злостью. – И да, я бесовский колдун! Следующий удар – и ты вообще никогда не встанешь!

Бандит замер, либо от ощущения холодного металла на шее, либо поверил, что я колдун. Слева раздался звон металла, я резко повернулся. Крапивин блестяще парировал удар тесака кортиком. Ничего себе мастерство.

– Ах ты морда боярская, я ж тебя... – нападающий не успел договорить.

Крапивин, приняв удар на кортик, резко подался всем телом вперед и ударил бандита головой в лицо. Раздался хруст. Бандит отлетел, роняя оружие.

«Вот это силища, – быстро пронеслось в голове. – Не знал, что в шестнадцатом веке учат приемам рукопашного боя».

Чудом я резко повернулся. Рядом с катающимся по земле главарем нарисовался второй. Не с такой прытью, как вначале. На лицах бандитов явно проявлялась нерешительность. Ну еще бы, главарь валяется в крови, второй с разбитым лицом тоже не может встать. Глаза стоявшего напротив парня метались от Крапивина с окровавленным кортиком ко мне с зажатым в правой руке ланцетом, который тоже был весь в крови. Нерешительность – не значит трусость. Стоящий с моей стороны сжал в руке дешевый тесак.

– Я тебя уговорю, колдун, железом, – проревел бандит.

Счет буквально пошел на секунды. На крик повернулся Крапивин, всего на мгновение. Не заметив, как сбоку бесшумно с занесенным тесаком рванул четвертый. Помогло не время, но моя особенность раздвигать границы.

Умение, которое отработывалось несколько лет. В ледяных пещерах.

Мозг концентрировался до такой степени, что все растягивалось, как в замедленной съемке. И когда счет шел на секунды, у меня была минута.

Я видел медленно движущуюся руку стоящего напротив меня и бандита, который заносил нож за спиной Крапивина. Теперь я мог точно рассчитать.

Те самые секунды. Чистого сознания. Тесак на спину Крапивина опустится на одно мгновение раньше, чем бандит кинется на меня. Удар придется мощный и смертельный, и боярин ничего не успеет сделать.

– Крапивин, сзади! – я слышал свой тягучий голос, словно растянутый на заевшей магнитофонной пленке.

Крапивин не обернулся. Времени не было. Молниеносным движением он резко присел, уходя с линии удара. Прекрасно понимая, что я сделаю.

Уверенная рука с ланцетом, которым обездвигил главаря, резко взметнулась вверх и вбок. Моя рука. Не для удара того, кто шел на меня.

Для броска. Через телегу. Тело словно отделилось от разума.

Острейший ланцет с двойным лезвием, тяжелый от костяной рукояти, описал дугу и вонзился в плечо бандиту, стоящему с поднятым тесаком.

Тесак со свистом рассек воздух в том месте, где секунду назад была голова Крапивина. Меня-то кто научил с такой точностью ланцеты метать?

Я резко повернулся обратно. Идущий на меня уже занес руку в ударе. Ланцета в руках не было и никаким образом я не успевал достать другой.

Со всей силой я пнул неподвижного главаря, отключившегося от потери крови, под ноги нападающего. Бандит споткнулся, я же успел отклониться. Тесак со всей мощностью резанул по левому рукаву, не задев руку.

Крапивину не нужно было никакое замедление, навыки головы отборного отряда разведки и нападения были отточены многолетними тренировками. Из положения на корточках боярин резко выпрямился, мгновенно вскочил на телегу и прыгнул рядом со мной со всем изяществом и силой дикой пантеры. Разумеется, с таким-то натренированным телом.

Используя инерцию прыжка с телеги, Крапивин со всей силой обрушился на нападавшего на меня, свалил на землю и выбил тесак из рук.

Неожиданная тишина. Время вернулось для меня в обычное русло.

Я наклонился, упершись руками в колени, пытаюсь отдышаться. Голова тут же отозвалась тупой, раскалывающей болью, в висках застучало, мир закачался. В голове все перемешалось, тело трясло мелкой дрожью, на языке появился характерный привкус железа. Расплата за растянутые секунды.

Слышались стоны и хрипы раненных. Пятеро. Странно, для обычных разбойников не было причины нападать, телега была не купеческая, поживиться нечем. Да и слишком уж остервенело дрались. Наемники?

– Вроде бы все живы, – прохрипел я.

Природная забота лекаря очень быстро победила настрой воина.

Я бегом подбежал к кучеру. В сознании. Хвала вселенной, ударили рукоятью топора, при ножевом ранении все могло стать намного серьезнее.

Крапивин медленно выпрямился, пытаясь выровнять дыхание. Быстро осмотрелся. Во взгляде боярина, в отличие от меня, жалости не было. Он проверял все ли обездвижены и не осталось ли опасности, если кто-то встанет.

– Тяжело ранены, не встанут, – проговорил я, осматриваясь.

Первый, сбивший кучера, лежал на земле и держался за правое ребро, вся рубаха была залита кровью. Обездвиженный главарь был почти без сознания, на плече и на бедре также расплзались пятна крови.

Бросившийся на боярина с тесаком и получивший мощный удар в лицо, лежал неподвижно. Бандит с ланцетом в плече, стонал от боли. Последний, которого сбил Крапивин, также не мог встать. Все дышат, ну и ладно.

Взгляд боярина прошелся по всем лежащим и скользнул к бандиту с моим ланцетом в плече, затем остановился на моей правой руке.

– Ланцетом..., – переводя дыхание прохрипел Крапивин. – Мастер из тебя искусный по метанию выйдет, как я посмотрю. Давай представления править? Будешь ножи метать на потеху народную. Цены тебе не будет!

– Только если сам лично у щита встанешь, – отшутился я, почти успокоившись. – Я же должен удовольствие получить от процесса!

Мы не сговариваясь, расхохотались. Смех не сильно веселый вышел, но нужно было сбросить дикое напряжение. Нервы были натянуты до предела.

– Наконец-то подмога подоспела! – сказал Крапивин выпрямившись.

Я посмотрел на дорогу, и тоже заметил облако пыли.

Палецкий с конными стрельцами. Неслись на дикой скорости. До назначения воеводой в Старице князь был сотником отряда конных стрельцов, охранявших государя. В селе сидел, как влитой. Да и остальные тоже.

Отъехали мы от монастыря примерно на полверсты, до Старицы оставалось менее версты пути. Дорога шла по открытому взгорью, вдалеке были видны рубленые стены и сторожевая вышка крепости.

«Быстро, однако, несутся», – отметил я.

– Стать в круг, кольцо сомкнуть! Всякого, кто с топором – сразу сечь! – раздалась резкие и быстрые команды воеводы Палецкого.

Конники быстро окружили место побоища. Картина маслом.

– Живы? Никто не засечен? – в голосе Палецкого прозвучала тревога.

– Все живы, – проговорил спокойно Крапивин.

– Только далеко не все здоровы, – метнулся я к телеге.

С лекарской сумкой я никогда не расставался. Должно что-то быть.

Схватил сумку и кинулся к кучеру, лежащему без сознания. Быстро ощупал затылок, удар был мощный, но чудом не проломили череп. Против травмы головы ничего даже в моей сумке не было. Пронесло. Шишка и сотрясение. Нащупал в сумке небольшой пузырек. Все не то. Да где же?

Вот нашел. Раствор из нашатыря и гашеной извести. Намочил тряпицу и дал конюху понюхать, тот резко помотал головой и открыл глаза.

– Ты откуда взялся, князь? – Крапивин и в обычном состоянии не отличался вежливостью, сейчас и подавно. – Мы тут сами, как черти бились.

– Вижу, – слегка усмехнулся Палецкий, оглядывая окровавленных и стонущих бандитов. – С вышки доложили, повозка ваша встала, и вокруг люди метутся. Ясно ж, что дело нечисто. Пока скакали, думали не поспеем.

Все понятно. В крепости вышки достигали высоты метров пятнадцать, дозорные могли видеть на расстоянии полверсты. Дозорные заметили остановку телеги и мельтешение фигур. И сразу же доложили воеводе.

– Спасибо, что не задержался, – подначил Крапивин.

Кучер тем временем сел, осмотрелся мутным взглядом. Я на всякий случай дал ему из фляги хлебного вина, больше ничем помочь не мог. Сотрясение если, полежит два-три дня и очухается. Легко отделался.

В отличие от лежащих вокруг. Я еще раз осмотрелся.

– Порезвились вы тут, как я посмотрю, – Палецкий обошел телегу, лежащих нападавших и удивленно посмотрел на бандита с ланцетом в плече. – Лекарь, вижу, ланцеты твои не только для лечения годятся. Искусно.

– Да лекарь метателем оборотился, – Крапивин не мог упустить момент. – Броском валяет лучше, чем ты саблей. Глянь, что умеет? Поупражняемся малость да сдадим лекаря скоморохам в балаган. Ох заживем прибыльно!

– Милости просим, люди добрые, – боярин встал и изобразил поклон ведущего представления. – Диво на лекаря-метателя посмотреть! Серебряник за представление. Казну государеву обогатим, и сами разбогатеем!

Палецкий не сдержался и рассмеялся. На голову элитного отряда все так реагировали. Нельзя было обидеться на мощный фонтан живой энергии. Все равно что разобидеться на океан, который волнами окатил ноги.

– Скачи в острог, вели подводы пригнать, – Палецкий повернулся к одному из конников. – Погрузим этих разбойников да на допрос к дьяку.

– Подожди! – внутри что-то дернулось. – Сильно ранены некоторые, дай хоть посмотрю да перевяжу. В застенке-то кто помощь окажет? Палач?

– Ох сердобolec, – хмыкнул Крапивин. – Платочки раздай поплакаться.

Палецкий, подняв бровь, посмотрел на меня, но кивнул.

Мне и самому странно как-то было. Все три года до похода в Сибирь, я оказывал помощь, изобретал лекарства, смешивал растворы и лечил людей.

Как-то не приходилось сначала самому ранить, потом лечить. Ладно, ланцет все равно нужно вытащить из плеча. Инструменты сложно достать.

Подошел вначале к лежащему с ланцетом в плече. Вроде ничего не задел серьезного. Достал пузырек с антисептиком, мало осталось. Надо добраться до горницы своей лекарской и приготовить разных растворов побольше.

Дернул ланцет, плеснул раствор. Бандит застонал и задержался.

«Главное, хоть заражения не будет, – смотрел я на темную струйку крови, придерживая смоченную тряпицу. – Надо внутрь антибиотик дать».

С разбитым лицом бандита, которого ударил Крапивин, оказалось сложнее, потому что не зря я слышал хруст. Нос был смещен в сторону.

Вздыхнул, достал неприкосновенные запасы обезболивающего, сделанного из запретных в моем времени веществ. Наклонился.

– Глотни, сейчас будет больно, – влил немного в рот бандита.

Большим пальцем, как учили, надавил на выпирающую кость в противоположную сторону смещения. Указательным и средним пальцем резко приподнял и выправил запавшую часть носа, возвращая на место.

Парень застонал. Я обратил внимание, что совсем молодой, ну лет двадцать. Чего поперлись-то на дорогу на людей честных нападать?

Обработал и перевязал раны главаря, не такие уж и глубокие от ланцета. Тот, на кого прыгнул Крапивин, вообще не пострадал, только ушибы.

Сложнее было с тем, кому боярин под ребра всадил кортик.

«Дышит ровно, кровь яркая, – быстро оценивал я ситуацию. – Одно входное отверстие, если бы задел внутренние органы, помощь уже не понадобилась бы. Живот мягкий, кишки целые. Везучий разбойник оказался».

Достал из металлической небольшой коробки длинную льняную полоску, смазанную специальным раствором, налил еще антисептика, и забил раневой канал. Чтобы остановить глубокое мышечное кровотечение.

Сверху наложил толстую прокладку из плотной ткани и туго прибинтовал к туловищу. Давящая повязка. Ну вроде должен выжить.

– В крепости лекарь или аптекарь-то есть? – посмотрел я на Палецкого.

– Сам придешь в крепость и всех досмотришь, – устало ответил воевода.

И правда, чего я со своими докторами? Власть в стране захвачена, истинный наследник прячется в крепости. Дел будто больше нет.

– Конечно, – извиняющимся тоном ответил я. – Завтра приду. Только пусть в каземате печь топят, воду потом прикажу вскипятить.

Показались подводы, которые конник пригнал с крепости. Хорошо, что догадались привести лошадь, потому что испуганную нападением еще нужно было найти. Боярин времени даром не терял, с детства почитай с конями.

Сдернул недорезанные постромки, сдвоил для прочности и примотал к уцелевшей скобе сыромятными ремнями, которые снял с седел. Вместо сбруи и хомутов использовал перекрученные вожжи и отрезы плащей, чтобы не резало плечи лошади. Крапивин сам сел на облучок вместо кучера.

– Глаз с лекаря не спускай, Крапивин, – проговорил Палецкий, и в голосе зазвучала искренняя тревога. – Живой и невредимый должен остаться.

– Будет цел, не сомневайся, ни скола, ни трещины, – отшутился боярин.

Я прекрасно знал, что и Палецкий, и Крапивин активно помогали Колычеву в сыскной работе. Тайные агенты, сказали бы в моем времени. И ни разу не расстроился, что за мной будут постоянно следить. Все же близкие люди, которые на раз жертвовали своей жизнью, чтобы спасти мою.

Телега тронулась и эмоциональное напряжение вернулось.

Тело забилося дрожью. Что же я скажу братьям Ткачевым?

Глава 5

Никогда в жизни я так не нервничал. Усталость, допросы, схватка с бандитами – все отошло на задний план. Привезли меня на допрос в монастырь утром, проговорили мы почти до обеда. По дороге пришлось не эмоции в порядок приводить, а драться с разбойниками. Столько переживаний за один день! Только здесь было личное. Ехал я к тем, кого считал своей семьей.

Именно Петр, один из братьев богатых купцов Ткачевых подобрал меня на дороге, когда я стоял в нелепом кафтане на темной проселочной дороге.

Все три года до похода в Сибирь я жил в доме купцов. Мне не только дали крышу над головой и пропитание. На самом деле намного больше.

Впервые в жизни я ощутил, что у меня появилась семья. Место, где всегда принимали, и безусловно любили. Купцы приняли меня, как своего, никогда я не ощущал столько любви и заботы от чужих людей.

Да и перестал воспринимать членов семей Ткачевых, как чужих. Семья. Всех детей купцов я воспринимал, как родных, двери дома были всегда открыты и меня всегда ждали. Чужие люди в другом веке стали родными.

– Приехали, лекарь, – сказал Крапивин, наблюдая за моей реакцией.

Что я испытал, когда увидел до боли знакомый забор двора братьев Ткачевых? Нечеловеческую радость, облегчение, и страшную боль.

Легче было в камере смертников, честное слово. Чувства натянулись до предела. Я вдохнул и не мог выдохнуть. Как будто в груди образовался ледяной ком. Теперь еще и притворяться, что я новый лекарь, Адриан.

Последние наставления Колычева и Шевригина я хорошо запомнил. Нужно держать все в тайне, чтобы никто не вспомнил того лекаря. Как же тяжело делать вид, что не узнаешь самых близких тебе людей!

Я вышел с повозки, взял потрепанную сумку.

– Ни единым словом не молви, лекарь, – Крапивин с сочувствием посмотрел на меня. – Тайна твоя для дел государевых надобна.

– Знаю, Крапивин, – тихо проговорил я.

Постоял немного, пытаюсь прийти в себя. На моих глазах росли дети купцов. Как же мне прикинуться чужим человеком и не выдать реакции?

Окинул взглядом добротные избы, Ткачевы не бедствовали. Совсем наоборот. Братья обладали цепким умом и хваткой дельцов, торговля давала огромный доход. С радостью заметил пару новых крыш, покрашенные ворота.

– Здравствуйте, – проговорил я с небольшим поклоном на пороге избы.

Я сильно старался говорить спокойно, чтобы не дрожал голос.

– По государеву делу, – официальным тоном зачитывал Крапивин грамоту. – От боярина Василия Колычева, главы Сысского приказа, челобитье. Принять на постой лекаря Адриана и во всем споспешествовать.

В глазах все расплывалось. Я опустил голову и до боли закусил губу.

Впереди стоял Степан, старший из братьев, самый степенный и рассудительный. Справа стоял Никита, не только купец, но и глава суконного промысла. Немного сзади стоял Петр и младший брат Федор. Коренастые, русоволосые с серыми глазами. Ладони пришлось сжать до боли.

Перед глазами стояла картина, когда после военного похода все семейство выбегало во двор, приветствуя возвратившего лекаря. Второй раз за сегодня я с трудом сдерживался, чтобы

не бросится на шею и не сказать, что я и есть лекарь, который прощался на этом самом месте три года назад.

– Раз дело государево важное, отказывать не станем, – проговорил Степан. – Милости просим в дом, лекарь. Чем можем, тем и послушим.

– Буду премного благодарен, – сдержанно поклонился я.

– Горница та, где прежний лекарь проживал, пуста стоит, – степенно проговорил Петр. – Не воротится он уже. Навсегда отъехал.

Как специально! Губу пришлось прикусить аж до крови. В голосе Петра прозвучали хорошо спрятанные боль и горечь. Я же не мог сказать, что лекарь живой и невредимый. Я получил строгий приказ никому не раскрывать свою личность. Да и как я докажу? Выглядел я теперь совершенно по-другому.

– Проходи лекарь, обустраивайся, скоро на стол накроем, вечерять будем, – сказал Петр на пороге горницы, которую я очень хорошо помнил.

Распорядок я знал. Братья жили одним большим двором, на четыре дома. Выходя из дома направо почти сразу располагался дом Никиты, налево в пяти минутах ходьбы стояла самая большая изба старшего брата Степана. Пройдя весь двор прямо, минут через десять можно было попасть в дом Федора.

Когда обсуждались важные дела, обычно торговые, за столом в доме Петра собирались все братья. Женщины и дети обедали и ужинали отдельно.

Хотя дети находились везде, где хотели. Строгих запретов не было.

– Скоро баню истопим, – сказал размеренно Петр перед тем, как уйти. – С дороги пыль смоешь, как выпаришься, белье чистое подадим.

Воспоминания нахлынули стеной. Как хорошо, что Петр сразу ушел.

Я обессиленный рухнул на кровать. Горло сжало невидимой пеленой. Помнил я и баню, и накрытые столы, и лучший уход. И любовь помнил.

В каждом действии ощущалась искреннее принятие. Именно поэтому я начал считать себя полноценным членом семьи. Купцы подарили мне такое ощущение. Ладно. Не могу же я сидеть и все время грустить. Дел полно.

Ситуация в стране в десять раз хуже, чем когда я уходил. Нужно отдохнуть и сосредоточиться. Чтобы снова вступить в бой.

Хорошо, что купцы все продумали. Позвали меня в баню буквально через час. Значит на стол накроют уже к ужину. В грязном одеянии, в котором меня вытащили из камеры смертников, за стол садиться вовсе не хотелось.

«Новые амбары построили, – заметил я, пока шел по знакомому до боли двору к бане. – Крыши переложили на избах, неплохо живут купцы».

Деньги зарабатывались тяжелым трудом, как награда за смекалку и сильный аналитический ум. Купцы очень хорошо знали, что и где купить и по какой цене продать. Как же приятно знать, что у своих все хорошо.

– Здравствуйте, господин лекарь, – услышал тоненький голосок.

Не заметил, как с домов выбежали дети купцов и обступили кругом.

«Все как всегда, – про себя усмехнулся я. – В этом времени новости разлетаются гораздо быстрее, чем во всемирной сети. Уже все знают».

– Здравствуйте, – вежливо поклонился я, оглядывая детей.

Три года, как же это много. Младшим детям Никиты, Ульяне и Илье было семь и восемь лет, когда я уходил, сыновьям Федора, Матвею и Кириллу было восемь и девять лет. Сейчас меня окружали практически подростки.

Высокие, стройные, как на подбор. Чуть поодаль стояли Анастасия и Пелагея, дочери Степана. Боже мой, совсем взрослые девицы, шестнадцать и семнадцать лет, возраст уже на

выданье. Старшие сыновья Никиты и не были детьми вовсе, Петру исполнилось двадцать, Егору девятнадцать.

Скоро будут сами станут главами собственных семей.

Как сложно было прощаться именно с детьми! Все искренне плакали, прижимались и не хотели отпускать. До чего же тяжело!

С каким бы удовольствием я обнял бы всех и сказал: «Это я, тот самый лекарь! Который всегда привозил вам подарки, возвращаясь из походов».

Вот и встал тот самый выбор между эмоциями и разумом. Раскрыть тайну означало потерять все преимущества, которые давала новая внешность. Я и без напоминаний главы тайного сыска знал, что есть редкая возможность принести послужить отечеству. Хотя молился всем богам, которых знал и которых не знал, чтобы снова не вступать в опаснейшую двойную игру.

– У нас, значит, на подворье поселитесь, господин лекарь? – грубоватым хриплым голосом спросил старший сын Никиты, Петр.

– Да, – кивнул я. – Разрешили остановиться в вашем доме.

Младшие дети на удивление обрадовались. Старшие просто кивнули. Может быть мне показалось. Когда я шел в баню, уже почти стемнело. Говорят же, что детей сложнее всего обмануть. Особенно младшие смотрели так пристально, словно догадались. Сказать только вслух не посмели.

Природный такт был не только у взрослых. Дети быстро расступились, пропуская меня, зная, что чужестранцу с дороги не до долгих разговоров.

Баню топили по-черному и когда я наконец зашел в густой пар, так тщательно возводимая преграда рухнула. Тело забило мелкой дрожью и я до боли стиснул зубы, чтобы не завывать в голос. Все пережитое выходило вместе с паром и слезами. Я так пытался сохранить достоинство, когда слушал смертный приговор за убийство, которого не совершал. Из последних сил держался, увидев, что лучшие люди страны вынуждены прятаться в крепости от подлых предателей, готовых разорить Русь ради собственного блага.

Сейчас сдерживаться было не перед кем. Боль хлынула единым потоком.

Удивительный механизм придумали люди. Вроде бы просто баня. Выходил уже спокойным и обновленным, как будто смысл вместе с грязью все отчаяние и страх. Я поднял голову и посмотрел на появляющиеся звезды.

Выживем. Прорвемся. И не такое переживали. Я столько раз видел смерть, не собирался сдаваться и в этот раз. Точно не без последнего боя.

Подсознательно я ждал встречи с самым дорогим для меня человеком. Все равно был застигнут врасплох, когда на полпути к дому меня крепко сжал в объятиях высокий юноша. Кости затрещали в буквальном смысле.

– Лекарь! – прошептал Елисей. – Ты вернулся! Живой. Хвала Богу!

Вот уж кого точно не обманешь. Блаженные чудесным образом все знали, и даже то, что таится в самых глубинах сердца. Подумаешь, внешность.

– Вернулся, Елисей, вернулся, – также тихо прошептал я.

Немного отстранился, чтобы рассмотреть подростка. Ну вернее того, кто был подростком, когда я уходил. Напротив стоял юноша двадцати двух лет.

Внешне ничего не изменилось. В самый первый вечер, шесть лет назад, когда я впервые зашел в дом Петра, с удивлением наблюдал за единственным сыном, Елисеем. Мать умерла при родах, передав сыну все свои черты.

Высокий и худой, словно тростинка, юноша производил уникальное впечатление. Весом меньше трех пудов, сорок пять килограмм.

Сквозь прозрачную кожу просвечивали темные узоры вен. Очень красивое лицо, словно нарисованное гениальным художником, который тщательно прорисовал каждую линию. Белые

волосы до плеч переливались перламутровым блеском. Елисей был ангельски красив, в буквальном смысле.

Прозрачные кристальные глаза светились в темноте, источая серебристый свет. Глубокий мелодичный голос действовал даже на взрослых.

Что ангелу внешность? Он видел все насквозь и прекрасно знал, кто я.

– Вы нашли пещеры небесные праотцев древних? – глубоким голосом спросил Елисей, смотря прямо в глаза сверкающими глазами.

– Да, Елисей, нашел, – выдержал я проникновенный взгляд.

Блаженные не просто улыбались. Лицо Елисея осветилось неопишным торжеством, глаза засверкали яркими огнями. Юноша всегда вызывал много вопросов своими уникальными способностями. Настоящий потомок того самого северного народа, кровь которых была огромной загадкой для ученого.

Все время, пока жил в доме купцов, я хорошо изучил особенности Елисея. Которые явно передавались на генетическом уровне. При необычной худобе сила у юноши были невероятная. Он мог легко поднять вес в три раза больше собственного, не уставал, никогда не мерз и вообще не болел.

Состав мистического напитка я частично разгадал, изучив записи черного алхимика Бомелия. Все элементы были скрыты знаками на кресте, который я никогда не снимал. Раскрыть состав помог монах Корнелий. Только без крови Елисея ничего не получилось бы. После путешествия по скрытым ледяным пещерам я знал намного больше. Но не мог рассказать.

– Как там, в обителях небесных? – с замиранием спросил Елисей.

– Блаженно, – улыбнулся я, сказав чистую правду.

Юноша еще раз улыбнулся, осмотрев меня с головы до ног. Теперь мы были очень похожи. Кристальные глаза, светлая кожа. Белые жемчужные волосы доставали до плеч. Мать Елисея строго-настрого приказала не стричь ребенку волосы. Петр так и делал из любви к умершей жене. Услышав об этом в первый раз я усмехнулся и подумал, что какое-то странное суеверие. Не все оказалось так просто. Теперь я тоже не собирался стричь свои волосы.

– Елисей, – серьезно посмотрел я на юношу. – Никто, слышишь? Никто не должен знать, что это я, понимаешь? Очень важно сохранить все в тайне, изменение внешности можно использовать на благо нашей страны.

Юноша быстро кивнул. Ну в том, что блаженные умеют хранить тайны, я тоже не сомневался. Легче было разговорить лед, чем Елисея.

После обильного позднего ужина сил хватило только на то, чтобы доползти до кровати и скинуть кафтан. Вскочил с кровати, когда зимнее солнце полностью затопило комнату. Прощай! Хотел же встать пораньше с утра, столько дел нужно переделать. Горница, лекарства, промысел.

Вчера вечером рассматривать чистое одеяние после бани не стал, одел, что дали. Разговоров за ужином было немного, все четверо братьев словно присматривались к новому домоладцу. Я почти сразу ушел спать.

«Наверное уже позднее утро? – соскочил я с кровати, в поисках ремня с футляром, чтобы подвязать рубаху. – Почему никто на завтрак на разбудил?».

Сам же себя и одернул. То, что в первое мое пребывание в доме купцы относились ко мне, как к члену семьи, вовсе не значит, что к незнакомому лекарю Адриану будут относиться также. Не маленький же, чтобы будить.

Пояс я сохранил с прошлого раза, на нем крепился футляр с ланцетами и другими важными инструментами. Красивый, с серебристыми заклепками. Купцы же и подарили, когда я уходил в первый военный поход на Ревель.

Надеюсь, не узнают. Пояс на ярмарке купили, да и не видно особо под футляром и под кафтаном. Руки слегка задрожали, когда я взял кафтан.

Мой же. Тщательно выстиранный. Тот, который я заказывал портному в Старице, когда немного освоился с жизнью в шестнадцатом веке. Я прижался щекой к ткани. Дым походного костра, запах лекарственных трав и несмываемый запах крови. Показалось. Кафтан был идеально чистым.

«Придется заказывать новую одежду», – подумал я ощупывая плечи.

Я слишком сильно похудел ко всем прочим изменениям. Пояс можно было затянуть посылнее, однако кафтан слишком свободно болтался.

– Доброго утра, лекарь, – прозвучал знакомый низкий голос.

Надеюсь, научусь не вздрагивать каждый раз, иначе это будет очень странно выглядеть.

Петр сидел за столом, на котором все уже было накрыто.

Рядом сидел Елисей, который вежливо кивнул в качестве приветствия.

– Хорошо, ежели Бог так сну пособляет, что и сутки не очнулся, – размеренно проговорил

Петр, отпивая квас из огромной чарки.

«Уже вечер! – пронеслось в голове. – Я проспал целые сутки?».

Ничего себе. Как можно проспать сутки? Я невольно встряхнул головой.

– Простите, – сказал я, садясь за стол. – Не знаю, как так получилось.

Петр сразу же подвинул тарелку с еще теплыми пирогами. Видно не убирали со стола, ожидая, когда лекарь проснется. Купцы всегда были такими. Добрыми и искренними. Готовыми поделиться последним куском хлеба.

– Чего извиняться, лекарь? – сказал спокойно Петр. – После дороги долгой телу покой потребен. Отдохнул – и слава Богу!

Елисей уверенно кивнул, поддерживая отца. Молодец, ни одним движением не выдал, что знает, кто я такой. Прекрасно скрывал эмоции.

– Боярин с утра приходил, спрашивал, – сказал Петр, допивая вторую кружку кваса. – Я сказал, что лекарь отдыхает, с пути дороги встать не может.

Ох, представляю, как повеселился Крапивин. Припомнит же мне, что «лекарь немощный встать не может». Надо заранее ответ приготовить.

В свое оправдание я мог сказать, что не часто меня приговаривают к смертной казни, перед этим изводя допросами в течение трех недель.

Я умирал с голода. Не заметил, как проглотил третий огромный пирог.

– Большое спасибо, что разрешили остаться, – сказал я искренне.

– Хлебом солью чего не поделиться, – пожал плечами Петр. – Да и лекарство ремесло потребное. Без лекаря, что без рук, ежели недуг свалит.

Я слегка улыбнулся. Первое важное дело, которое хотел решить. До похода в Сибирь, у меня была лекарская горница в Старице. Когда только оказался здесь, мне выделили денег из казны. Удалось разработать несколько новых лекарств, собрать сложные растворы. За три года я стал известным лекарем, завел друзей, получил семью. Какие были времена! Почему все не могло остаться так? Почему тучи измены закрыли светлое небо над головой?

Вернулся, как на разгромное пепелище, честное слово. Я вздохнул, не время сейчас беречь старые раны и сокрушаться о прошлом.

Государь убит, по непонятным причинам на престоле не старший сын, а непонятно кто. Впереди туманное будущее, и нужно запастись терпением.

– Надеюсь, мне выделят разрешение на открытие лекарской горницы в Старице, – сказал я вслух. – Смогу готовить растворы и лечить людей.

– Искусство лекарское дело нужное, – согласился Петр. – Ни войско, ни град не устоят, ежели от хвори зелья нужного не дать. Лекарь всегда нужен.

Петр встал первый из-за стола, да и у меня было много нерешенных дел.

Раз заходил Крапивин, значит есть разговор. После нападения грабителей объявится и Палецкий. Узнали интересно, зачем напали-то?

Глава 6

До дома Крапивина дошел минут за пять. Красота да и только!

Пятистенок в два яруса производил впечатление. Стены из отборной сосны по углам скреплялись красочными вырубками, похожими на замки. Двухъярусный терем давал ощущение родовой силы, не один человек строил. Род Крапивиных был одним из давних. Боярин был невероятно богат.

– Чего глазеешь, лекарь? – насмешливый голос раздался сзади.

Когда Крапивин только успел выйти и неслышно подойти?

– Любуюсь, – ответил я спокойно. – Очень красивая изба.

– Жалеешь, что не в моих хоробах остановился? – усмехнулся боярин.

– Да нет, мне и у купцов Ткачевых хорошо, – парировал я.

– Ну что пробудился наконец? – прищурился Крапивин, подходя поближе. – Думал уж до судного дня проспишь, как девица красная.

Знал же, что он обязательно припомнит. И красоту в том числе.

– После долгой дороги телу покой нужен был, – повторил я слова Петра.

– Ну коли уж выспался, сонная девица, поехали в крепость, дела государевы ждать не будут, – вот не мог боярин нормально разговаривать.

Я улыбнулся. На боярина я не обижался, потому что бесполезно.

В подчинении головы был элитный отряд конных стрельцов, которых я имел честь видеть в настоящих сражениях. Отряд не зря считался элитным. Конники действовали стремительно и решительно. Крапивину поручали самые сложные задания по разведке и быстрому нападению.

Мне всегда казалось, что насмешками боярин прикрывал сильнейший аналитический ум. Да и жизненной энергии в Крапивине было столько, что хватило бы на целый полк. Вот вся сила и выливалась через край.

В этот раз до Старицкого монастыря мы добрались без приключений, хотя я видел, как Крапивин напряженно осматривается по сторонам.

В монастыре появились практически в полдень. По тому, как Крапивин обменялся с ратниками на воротах странным знаком и паролем, я понял, что в крепость так просто не попасть. Причем процедуру проделали трижды – у первых ворот, у вторых ворот и на входе в приказную избу.

Я пристально наблюдал за Крапивиним. Пароль никто не спрашивал, боярин входил в круг правления и его прекрасно знали. Однако жест заметил, причем одинаковое движение сделал и Крапивин и охранник.

«Отгибают край ворота кафтана и что-то показывают, – подумал я. – Входящий понятно. Зачем ратник на воротах делает то же самое?».

Прошли в приказную избу, только в другую палату. В этот раз меня не вели на допрос, как приговоренного к смертной казни. Я смотрел по сторонам, все разглядывал. Грамотно все организовано, воевода, тайный сыск и другие службы находились в разных местах и четко разделяли обязанности и.

В палате, большое окно которой выходило на Волгу, стоял Палецкий.

«Явно не ради красивого вида, – невольно промелькнула мысль. – Волга для Старицы была ключевым транспортным путем и стратегическим объектом. Большое окно, выходящее на реку – командный пункт, воевода обязан лично наблюдать за движениями судов, чтобы заметить неприятеля».

Палецкий напряженно смотрел в окно. Опасность набирала обороты. Удар ждали теперь не от внешних врагов, больше от своих.

Вопросы становились все навязчивее. Я понимал, что прошла всего пара дней с моего странного прибытия, но ничего не мог с собой поделаться. Я должен был знать. «Малое правление» под управлением наследного государя Ивана Ивановича готовится к серьезной борьбе. Да почему так-то?

– Заходи, лекарь, присядь, – сказал Палецкий, отходя от окна.

Я сел на лавку, Крапивин остался стоять рядом.

– Лихих людей, что позавчера напали на дороге, допытали со всяким прилежанием, – сказал Палецкий, присаживаясь на лавку напротив.

Надо же, я почти забыл про нападение. Что значит, куча дел в голове.

– Ранения у некоторых были серьезные, – проговорил я. – Как они там?

– Милостив больно, лекарь, – подначил Крапивин. – О здравии разбойников, что чуть не убили печешься. Наше здравие тебя не печалит?

– Крапивин, ты здоров, как конь добрый, – съязвил я в ответ. – Ни раны, ни болезнь тебя не берут. Дело не в милости, разбойников должны судить по закону. Никто не должен умирать в мучениях от ранений.

– Уймись, лекарь, – поморщился Палецкий. – Опосля пойдешь и окажешь помощь лекарскую разбойникам, кто тебе мешает?

– Удалось ли выведать умысел? – спросил Крапивин серьезно. – Допытали ли, за каким делом лиходеи на нас напали-то?

– Главарь молчит, пособник повинился, – вздохнул Палецкий. – Поживиться хотели, молва идет, что боярин богат, казна большая схоронена.

– Так на нас из-за твоих несметных богатств напали, Крапивин! – изобразил я, как мог, искреннее возмущение. – Насобирали себе золота-серебра, теперь и по дороге не проехать. И правда, кому нужен бедный лекарь?

Крапивин запорошил голову и громко расхохотался.

– Да нет у меня никаких богатств, – хрипло проговорил Крапивин, отсмеявшись. – Пустая наветная молва. Шуба одна да совесть. Какая казна?

– Так тебе все и поверили, – я должен был подначить в ответ.

Хорошо, можно выдохнуть. Ничего серьезного. Бандиты действовали сами по себе, не было следа ни новых властей московских, ни орденских. Обычные разбойники на дороге. Разум снова полыхнул рядом вопросов.

Я не мог успокоиться. Малый круг обосновался в Старице. Большой круг явно остался в Москве. Вопрос – как удалось Годунову так быстро прибрать к рукам власть – сильно волновал. Только я не знал, кому его задать.

Да как так-то? Как отравили государя всея Руси? Как так получилось, что власть в стране захватил Годунов, посадив на престол младшего сына Федора при живом старшем сыне, наследнике Иване Ивановиче?

Сейчас либо пошлют, либо снизойдут и ответят.

– Как так получилось, что власть не перешла к прямому наследнику? Что произошло? Как Годунов занял правление? – выпалил я на одном дыхании.

Очевидно, задел за большое. Крапивин сразу помрачнел, отвернулся и уставился в одну точку. Отвечать начал Палецкий, официальным тоном.

– Государь на смертном одре приказал блюсти сына своего, царевича Феодора Иоанновича боярам и думным людям, – спокойно сказал Палецкий. – В опекуны поставил Бориса Годунова с единомышленниками. Царевич Феодор к строению земному приложиться не может в силу здоровья, опекун Годунов трон и воспринял. Основание на царство правое и непричастное.

– Грамота сия подложная! – вступил резко Крапивин. – Писана не по указу! Покрали государеву печать да к письму и приложили. Сел тот прихвостень в Кремле на золотом кресле

и указами разбрасывается, будто и нет живого наследника. Надобно чистить Москву от этой скверны!

– Вполне возможно, что ты и прав, Крапивин, – невольно вступил я. – Странно, как мог Иван Грозный даже больной передать опекунство Годунову, при живом старшем сыне, Иване Ивановиче – прямом наследнике престола.

Повисла нехорошая пауза. Интуиции своей я доверял всегда. Посмотрел пристально на одного, потом на другого. Дружно как-то оба замолчали.

– Никого не пускали к Ивану Васильевичу, – проговорил я медленно. – Когда государь заболел, вокруг остались лживые бояре, сборище предателей. Скорее всего, сказали, что сын Иван Иванович мертв. Я прав?

– На царевича Ивана Ивановича был составлен наговор по лживым доводам, – Палецкий все же не сумел скрыть злость в голосе. – Донесли государю будто государь царевич сам от престола и от отчизны отрекся.

– Иван Иванович был официально объявлен отрекшимся от престола на основании ложных свидетельств, – невольно повторил я вслед за князем, как эхо. – Ничего себе! Умирающему государю да такие новости про сына. До такой подлости опуститься. Как можно было такое сказать? Сволочи!

– Письмо составили лихие люди для наговора, – Крапивин и не пытался скрыть рвущийся гнев. – Царевича нарекли изменником, да из царства вывели.

– Годунов имеет все нужные грамоты, – поморщился Палецкий.

– Пусть хоть обложится теми бумагами, весь народ знает, что Иван Иванович наследник! – прошипел Крапивин. – Не усидит супостат на государевом троне! Соберем рать да выметем всю нечисть из Москвы!

– Сила Годунова не в саблях, Крапивин, но в грамотах и печатях, – устало парировал князь Палецкий. – Все приказы нынче за подписью «Царь Федор Иоаннович». Кто такой теперь Иван Иванович? Призрак. Мятежник. И пока власти над печатями да грамотами не получим, все мы – мятежники.

Я молчал, переваривая информацию. Знал же, что не все так просто.

Палецкий переживал не меньше Крапивина, но вел себя более рассудительно. Он прав. По бумагам получается, все в Старице – повстанцы.

– Годунов, значит, имеет все нужные официальные документы, скрепленные подписями и печатями, – злость теперь не сумел сдержать я. – Если государь умирал в страшных мучениях, что стоило выкрасть печать? Конечно, сами себе что хотели, то и написали. Проверять бы кто стал?

Крапивин выразительно посмотрел на меня с благодарностью. Наверное, не все верили, что Годунов – изменник и предатель.

– Тогда как вы сохранили свои должности? – ступил я на тонкий лед.

– Ивана Ивановича любят много больше, чем Бориса, – Палецкий усмехнулся. – Бояре и дворяне, чины государские, втайне признают царевича Ивана природным государем и его правление всем сердцем принимают.

– Годуновских признают токмо по закону, – добавил со злостью Крапивин. – Верных царевичу много больше, чем прихвостней годуновских.

Из огня да в полымя, что называется. Уникальный расклад. Вот почему так свободно «малое правление» обустроило целую крепость, и все из круга остались на своих должностях. Сила Ивана Ивановича заключалась в авторитете и личной преданности окружения. Только пока все молчали.

Приятного мало. Да и вопрос остался главный – что же теперь мы будем делать? Как доказать, что бумаги подложные? Не идти же и правда войной на Москву, как в гневе предлагает Крапивин. Ничего не добьемся таким путем.

Тяжелые мысли оборвал тяжелый стук в дверь. Палецкий резко поднялся со скамьи и быстр открыл дверь. Под тройной охраной чужие в крепость попасть физически не могли. Значит что-то случилось.

В проеме стоял запыхавшийся молодой стрелец.

– Воевода! – выдохнул парень, хватая ртом воздух. – С пристани... Ладья... С грузом... Пропуска нет, паролей не знает. Остановили...

Палецкий сразу напрягся. Крапивин сделал шаг вперед к двери.

– Говори толком, какая ладья? – напряженно спросил Палецкий

– С низовьев... Купеческая, – стрелец отдышался и заговорил спокойнее. – Струг досмотровый остановил по обычаю. Зерно привезли для крепости.

– И что? – буркнул Крапивин. – Каждый день зерно возят.

– Не так все... – стрелец замялся, пытаясь подобрать слова. – Ладья шла неровно, и на палубе никого нет, тишина мертвецкая. Досмотровый окликнул. Капитан еле на ногах стоял, качался, ликом земляной да очи помертвелый. Спросил, что за груз, промычал «зерно...». В кашель непрерывный ушел.

– Пьяны? – спросил Палецкий. – Поднять всех в крепость, да отправить в застенки, дать проспаться. Опосля на допрос со всем прилежанием.

– Нет, воевода, не от вина, вовсе не хмельное, – уверенно замотал головой парень. – Страшно глядеть. Злой тряской бьет, как тени живые.

Тишина стала густой и недоброй. В животе резко дернулся ледяной ком, намертво впившийся острыми иголками. Не пьяный бред, не лихорадка...

– Где ладья с зерном сейчас находится? – севшим голосом спросил я.

– Так на отмель отвели, подальше от пристани, – сказал стрелец уверенно. – Никого не подпускаем. Доложить пришел, ждем приказа.

– Чего, лекарь? – князь Палецкий впился в меня взглядом.

– Быстро отведи меня к ладье, – сказал я, на ходу накидывая кафтан.

«Зерно возили в грузовом отсеке, пространство под палубой, – мозг заработал на предельной частоте. – Доступ через грузовые люки. Зерно обычно насыпали прямо в трюм, или складывали в мешках штабелями. Закрывали брезентом от воды. В трюме душно, и почти нет воздуха».

Что угодно могло быть! Гнилое зерно? Крысиный яд? С навыками черных алхимиков темного ордена могло быть что и намного похуже.

– Крапивин, возьми людей, с оружием, – резким тоном скомандовал я, сейчас было не время для статусов. – Никого не подпускай к пристани! И ни в коем случае сами не подходите к ладье слышишь? Следи, чтобы никто чтобы не прикасался к зерну и тем более не нюхал. Ты понял?

Палецкий и Крапивин быстро переглянулись. У прошлого лекаря Иоганна был существенный бонус. Не раз я спасал ратников от смерти. Включая и стоящих в комнате. И они прекрасно об этом знали.

Палецкий едва заметно кивнул, и боярин сорвался с места.

– Понял, – обычный шуточный тон Крапивина испарился за минуту.

Боярин выбежал из комнаты, мы с Палецким следом.

Годунов, подложные грамоты, политика, все быстро отошло на задний план. Как же мне надоели эти подлые выпады! Шли с пищалями и с саблями, открыв лицо. Не так вот исподтишка. Сражаться, как положено смелым воинам, не умели. Подлые трусы! Черная злость смешалась с диким страхом.

Господи, не дай Бог я прав! Ситуация может быть не просто опасной, но смертельной. Я воспринимал такое, как личную обиду. Хотите в отравления поиграть? Хорошо, профессиональный химик и медик к вашим услугам!

До пристани добежали минут за пять. Крапивин уже был там с вооруженными ратниками. Палецкий быстрым шагом направился к ладье.

– Палецкий, стой! – резко крикнул я.

Воевода повернулся и удивленно посмотрел на меня. Я быстро раскрыл сумку, достал две льняные полоски, пропитанные уксусным раствором.

Осмотрелся, подошел к дубовой кадке с водой, плеснул на полоски.

– Плотно завяжи! – протянул одну полоску Палецкому, показывая на себе как завязать, чтобы закрыть рот и нос. – Не снимай, слышишь?

Палецкий быстро сообразил, что делать и завязал полоску. Боковым зрением увидел ухмылку Крапивина. Когда все закончится, не преминет же подколоть. Как мы с воеводой с завязанными лицами смотрелись.

Сейчас, однако, было не до юмора. Внутри все застыло от страха.

Я медленно ступил на палубу вслед за Палецким. Стрелец не ошибся, капитан и члены команды были в ужасном состоянии. Воспаленные глаза, дрожащие руки, посинение кончиков пальцев. Пока в сознании, но в плохой кондиции. С трудом разобрал жалобы на кашель и дикую головную боль.

Осторожно спустился в трюм. Палецкий спустился вслед за мной. Повсюду стояли горы мешков. Ну хоть не открытое зерно. Даже через маску ощущался сладковато-горький привкус густого воздуха. Вздохнуть полной грудью было невозможно. Вокруг люка было немного рассыпавшегося зерна.

– Палецкий, люди во время плавания где находятся? – спросил я.

– На палубе, – ответил Палецкий. – Токмо неделями дождь идет, да холодно по Волге уже плавать, знамо скрывались в трюме от непогоды.

Пресвятая богородица! Как западня! Люди дышали этой дрянью неделю. Внизу в закрытом трюме концентрация яда в сто раз выше, чем на палубе. Не просто зараженное зерно, как специально сделанная газовая камера на воде.

– Лекарь, не томи, что нашел? – требовательно спросил Палецкий.

Я старался не дышать даже под маской, пропитанной уксусом. Достал из сумки перчатки, тоже редкий подарок от близких людей. Раздавил несколько зерен между пальцами, пристально всмотрелся. Нюхать было не обязательно. Я понял, что в мешках. Ничего другого просто не подходило.

– Спорынья, – коротко сказал я, смотря на черные рожки на ладони. – Рожковый грибок. Сильнейший яд. Вызывает видения, затем судороги, потом гангрена. У капитана и членов команды не лихорадка и они точно не пьяные. В зерне – страшная грибковая отравка. Так как все прятались в трюме от дождя, надышались ядовитой пылью. Отсюда кашель, дрожь и все остальное.

– Спасибо сказать нужно стрелцу, что к тебе прибежал, – проговорил я медленно. – Если бы такое зерно смололи в муку и испекли хлеб, в крепости началось бы страшное отравление. Сильный жар, судороги в животе. Подумали бы, что плохой пищи съели. Потом начали бы неметь пальцы.

Вовремя остановился. Не стоит прямо сейчас воеводе рассказывать про симптомы отравления спорыньей. Перед глазами стояла картина чернеющих пальцев ног и рук, лопающихся сосудов и черных синяков.

Люди бы кричали от боли, спорынья еще и вызывает галлюцинации. Ну и напоследок гангрена, запах гниющего мяса над всей крепостью.

Я резко помотал головой. Картина ярко стояла перед глазами.

– Закончилось бы все плохо, Палецкий, – вздохнул я. – От такого яда наступает медленная, но верная смерть. Тот, кто все это устроил, рассчитывал, что не заметят и испекут хлеб. Посему твой стрелец заслужил благодарность.

Страх прошел, осталась глухая черная ярость! Да что же такое? Твари эти когда-нибудь успокоятся? Что если в следующий раз я не успею? Вернее, что значит, в следующий? Я уже не успел, когда отравили государя Руси.

Так стоп, не до сантиментов сейчас. Люди надыхались этой дрянью.

– Капитан и все члены команды сильно отравились, – резко сказал я. – Нужно помочь, они очень слабы. Быстро промыть глаза и нос чистой водой из бадьи, что на палубе. Прополоскать горло. Сейчас дам нужный раствор.

Палецкий посмотрел в сторону ратников, охранявших пристань.

– Пусть Крапивин с ратниками поможет, – сказал я. – На свежем воздухе опасности нет. Смертельным яд становится, если принять внутрь с пищей.

Воевода дал знак, Крапивин быстро прибежал с ратниками. Я присел и достал из лекарской сумки бутылку с уксусным раствором. Ратники набрали воды в ведро, помогая члена команды подойти. Добавил раствор в ведро.

– Проследи, чтобы раствором все умылись и прополоскали горло, – строго посмотрел я на Крапивина. – Всех отвести в крепость. Снять всю одежду и принести сюда на ладью. Помыться тщательно с зольной щелочью.

Щелочи почти не осталось. Надо срочно заняться растворами.

Палецкий послал за подмогой, прибежали ратники, помогая людям с ладьи. В четком управлении воеводы я не сомневался, быстро справятся.

Волновало другое. Я протираю руки уксусным раствором и смотрю на ладью, отведенную на отмель. Как же мне сказать остальным, что ладью и зерно нужно не просто сжечь? Обычное сжигание ничего не даст, пепел осядет на траве или попадет в воду. Все отравимся. Сжечь нужно именно как заразу.

Дегтем облитая ладья. Ограждение, чтобы горели только ладья и зерно, и чтобы ветер не разнес пепел. Теперь точно примут за черного колдуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.